

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра психологии**

ПСИХОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

**Материалы
XII ежегодной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
факультета философии и социальных наук**

Под редакцией Ю. Г. Фроловой

**МИНСК
2015**

УДК 159.9(06)
ББК 88я43
П86

Рекомендовано
советом факультета философии и социальных наук
10 сентября 2015 г., протокол № 1

Рецензенты:
заведующий кафедрой философии культуры
Белорусского государственного университета
кандидат философских наук, доцент *А. А. Легчилин*;
доцент кафедры психологии
Белорусского государственного университета
кандидат психологических наук, доцент *А. С. Солодухо*

Психология глазами студентов : материалы XII ежегодной
П86 науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и
соц. наук / под ред. Ю. Г. Фроловой. – Минск : БГУ, 2015. – 55 с.

В сборник вошли статьи студентов кафедры психологии БГУ, посвященные актуальным вопросам современной психологии. Представлены результаты эмпирических исследований социальных установок и предубеждений в отношении стигматизированных групп, внутренней картины болезни и видам копинга при различных заболеваниях, символического выражения эмоций, внутригрупповых конфликтов.

УДК 159.9(06)
ББК 88я43

© БГУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Аманацкий В. А. Семантика слова у детей младшего подросткового возраста с нарушениями слуха.....	5
Вакулик А. М. Социальные установки подростков в отношении инвалидов.....	7
Зайцева Ю. В. Эвристики принятия решения учителями при выставлении отметок ученикам.....	10
Каптюг А. А. Предрасположенность к дауншифтингу у руководителя в зависимости от уровня профессионального выгорания.....	14
Качан Е. П. Динамика внутренней картины болезни у больных сахарным диабетом второго типа.....	17
Крыштоп К. С. Половые различия гелотофобии в период юности.....	20
Мазур Е. Ю. Специфика переживаний в момент жизненного выбора (на примере выбора места жительства)	24
Мойсейчук М. И. Выбор стратегий совладания с зубной болью у пациентов с различным уровнем тревожности.....	28
Осипчик Е. Г. Гендерные различия в социальных установках студентов в отношении женщин с избыточным весом.....	32
Петровская А. А. Особенности символического выражения эмоций в рисуночных тестах у студентов различных специальностей.....	35
Соколов Е. А. Личностные особенности студентов с различными уровнями и видами перфекционизма.....	39
Страпко Д. В. Любовные установки в романтических отношениях студентов с различными стилями привязанности.....	44
Татарко К. И. Представления о конфликте между личностью и группой у подростков в группах с различными нормами.....	48

Тетерук А. С. Образ Я и образ оппонента в межличностном конфликте у производственных работников с различным уровнем конфликтности	51
Тетерук А. С., Бебчик А. М. Образ психолога в современной организации	54

Семантика слова у детей младшего подросткового возраста с нарушениями слуха

В. А. АМАНАЦКИЙ

Белорусский государственный университет

Анализ литературных источников позволяет заключить, что с психологической точки зрения семантика слова – это система связей слова с другими словами. Для исследования этого феномена уместно использовать ассоциативный эксперимент, так как именно он наиболее ярко отражает те связи, которые стоят за словом у испытуемого. Ввиду особенностей выборки целесообразнее использовать именно письменную форму эксперимента, так как она уравнивает условия для групп слышащих детей и детей с нарушениями слуха.

Существуют качественные (вид связей) и количественные (число связей) характеристики семантических связей слов. Наиболее характерными связями в норме являются синтагматические и парадигматические связи. Синтагматические связи – это связи между словами разных частей речи. Они присутствуют непосредственно в языке и в норме свидетельствуют об относительно низком уровне обобщения. Парадигматические связи – это связи между словами, относящимися к одной части речи; в норме они свидетельствуют об относительно высоком уровне обобщения. Парадигматические связи могут быть ситуационными (представляющими связь между двумя словами, относящимися к одной ситуации) и понятийными (включающими слово в систему понятий). Понятийные связи свидетельствуют о более высоком уровне обобщения, нежели ситуационные. Парадигматические понятийные связи могут быть гиперонимическими (связь с более широким понятием), гипонимическими (связь с более узким понятием) и эквонимическими (связь со словом, находящимся на одном уровне системной иерархии). Установить абсолютное количество связей, стоящих за словом, не возможно. Вместе с тем можно говорить об относительно большем и относительно меньшем количестве связей стоящих за словом. Большинство слов обладают основным (самым распространенным) и дополнительным значениями. Об относительно большем количестве связей конкретного слова свидетельствует активное использование слова в разных, а не только самом распространенном, значениях. В условиях ассоциативного эксперимента об относительно большем количестве связей, стоящих за словом, может свидетельство-

вать ориентация при подборе ассоциаций на менее распространенное значение.

Для семантики слова у детей младшего подросткового возраста с нарушениями слуха будут характерны две группы особенностей: связанные с общей задержкой речевого развития и связанные с особенностями освоения речи детьми с нарушениями слуха. К первым будут относиться относительная простота связей (меньше количество парадигматических связей) и относительно небольшое, по сравнению с нормой, количество и выраженность связей, что будет проявляться в большей склонности ориентироваться на самое распространенное значение слова. Ко вторым – большая, по сравнению с нормой, выраженность связей по типу жестовой «омонимии», большая, по сравнению с нормой, выраженность связей слов, связанных «словообразовательными» правилами жестового языка, большая значимость эквонимических связей в группе парадигматических понятийных отношений.

В соответствии с выдвинутыми теоретическими гипотезами был разработан стимульный материал, который в большей части состоял из наиболее распространенных слов (выбранных методом случайных чисел из «Славянского ассоциативного словаря»), а также включал слова с явной многозначностью и слова, представляющие на русском жестовом языке комплексы более простых жестов. Всего список слов включал 55 стимулов.

Эмпирическое исследование проводилось на базе 5-х и 6-х классов одной из минских школ, в которой практикуется обучение на одной параллели классов слышащих и слабослышащих детей. Всего в исследовании участвовал 41 младший подросток, 16 имеют выраженные нарушения слуха и учатся в специализированных классах.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Семантика слова детей младшего подросткового возраста с нарушениями слуха отличается относительной простотой связей стоящих за словом по сравнению с тем, что наблюдается у их слышащих сверстников; эта особенность объясняется в первую очередь общей задержкой речевого развития этих детей. Для слабослышащих детей менее характерны парадигматические ситуационные связи. Однако парадигматические понятийные связи являются нехарактерными также и для слышащих детей. Они могут наблюдаться у детей с высоким уровнем речевого развития вне зависимости от состояния слуха. Задержка речевого развития также приводит к относительно меньшему, в сравнении с тем, что наблюдается в случае слышащих детей, количеству связей, стоящих за словом, у слышащих детей.

Кроме того, исследование позволило выдвинуть ряд предположений.

Семантические системы слабослышащих детей характеризуются относительно большей узостью, «рыхлостью» и неразработанностью периферии. Вместе с тем эта гипотеза требует дальнейшей эмпирической проверки. На семантику слова лиц с нарушениями слуха может оказывать влияние опыт использования жестового языка, то особое «словообразование», которое присуще этой лингвистической реальности. Однако эта особенность не проявляется в ассоциативном эксперименте со слабослышащими младшими подростками ввиду того, что лексические единицы, представляющие на жестовом уровне сложные двигательные комплексы, в большинстве случаев малознакомы детям этого возраста вне зависимости от состояния слуха. Кроме того, особенности овладения языком могут оказывать влияние на доминирование плоскостных отношений в семантической системе личности младших подростков, примат эквонимических связей. Для проверки этого предположения требуется разработка методологически обоснованного специального эмпирического инструментария. Некоторые слова, использовавшиеся в эксперименте, отличались сильной семантической неразработанностью у младших подростков вне зависимости от наличия нарушения слуха. Вместе с тем остается неясным, какие семантические особенности этих слов вызывают у детей трудности: эти слова относятся к разным частям речи, среди них встречаются как редкие, так и общеупотребимые лексические единицы, они никак не связаны с качеством нарушения (слово «оркестр» вызывает трудности у детей обеих групп). Для установки причин этого явления требуются дальнейшие исследования.

Социальные установки подростков в отношении инвалидов

А. М. ВАКУЛИК

Белорусский государственный университет

Одним из направлений работы психолога с инвалидами является социальная реабилитация. Ее эффективность во многом определяется успешностью интеграции инвалидов в социум, но в то же время и социум должен быть готов принять их. Такая готовность проявляется, в частности, в отношении к инвалиду отдельных его представителей. Инвалидность выступает как культурная интерпретация физических изменений и отклонений, сравнение тел, которое оказывает влияние на социальные

отношения и общественные институты [1]. Социальные установки подростков в отношении инвалидов находятся на стадии формирования и отражают распространенные в обществе представления и культурные интерпретации.

В исследовании приняли участие 81 человек в возрасте 11-14 лет. Для выявления социальных установок в отношении инвалидов использовались авторская анкета и семантический дифференциал, составленный на основе Тезауруса личностных черт А.Г. Шмелева [2].. Процедура статистической обработки данных включала в себя частотный и факторный анализ, анализ средних.

Среди опрошенных респондентов 65% «встречались» с инвалидами: из них 34% отметили, что узнали об инвалидах из СМИ (газет, телевидения, интернета и др.); 30% видели инвалидов на улице; 16% – в больнице; 11% – в школе; у 9% подростков инвалидом является член семьи. Из этого следует: наиболее распространенными источниками знаний об инвалидах являются СМИ и (или) непосредственное наблюдение и взаимодействие.

Большинство подростков дают классическое определение понятию «инвалид», т.е. человек с ограниченными возможностями (44%). Полученные результаты обусловлены распространенностью использования этих понятий как синонимичных. Характеризуя данное понятие, подростки отмечали и наличие у инвалида каких-либо заболеваний: проблемы со здоровьем – 40%, тяжелые заболевания – 12%, неизлечимые болезни – 6%.

Для обозначения инвалидов, по мнению опрошенных, используются следующие слова: «больной» – 20%, «калека» – 17%, «беспомощный» – 9%, «неполноценный человек» – 5%, «бедный» – 5%. Кроме того, могут использоваться слова, показывающие наличие у инвалида определенного заболевания: «слепой» – 9%, «немой» – 5%, «глухой» – 3%, «даун», «человек с ДЦП» и «колясочник» по 3%. Полученные результаты показывают, что подростки, в первую очередь, отмечают наличие какого-либо заболевания и изменения, обусловленного этим нарушением.

Для описания инвалида респонденты чаще всего используют телесно-физические характеристики (53%): «нездоровый человек», «не разговаривает», «слепой», «глухой», «больной», «не может ходить» и др. 19% характеристик описывают инвалида как субъекта взаимодействия: «замкнутый», «зависимый», «требует внимания», «бескорыстный», «добродушный», «отзывчивый» и др. В образе инвалида 16% составляют личностно-волевые характеристики: «потерял смысл жизни», «упорный», «усидчивый», «целеустремленный» и др.

На основе оценок по пяти факторам, которые были получены в результате статистического анализа, был составлен образ типичного инвалида, обладающего, в основном, положительными качествами. В сознании подростков инвалид представляется как добрый, добродушный, миролюбивый, бескорыстный и отзывчивый человек. Подростки считают его порядочным, достаточно умным и дисциплинированным. В меньшей степени ему присущи качества энергичности, активности, силы, смелости и жизнерадостности, что отражается и в общении, и в работоспособности. Наиболее низкие оценки были получены для характеристик, определяющих вовлеченность инвалида в деятельность, способность объективно оценивать себя как субъекта деятельности и результаты своей деятельности.

В процессе исследования было изучено, каким образом повлияло общение с инвалидом на подростка. Для этого респондентом предлагалось закончить предложение: «После общения с инвалидом, я...». Полученные ответы были разделены на три группы: а) приобретение знаний об инвалидах как обычных людях, «таких же, как и все» (26%), из чего следует – общение стирает стереотипные представления об инвалиде, приближая их к образу здорового человека; б) переживание чувств (21%), таких как жалость, сочувствие, печаль; в) изменение отношения к собственной жизни (11%): улучшение отношения к жизни; увеличение ценности всего, что дано; увеличение ценности собственного здоровья.

В процессе общения с инвалидами респонденты сталкивались с двумя группами трудностей: 1) обусловленными болезнью инвалида («проблемы с речью», «плохо слышит», «умственная отсталость»); 2) связанными с незнанием респондента, как себя вести с инвалидом («боишься быть бестактным», «непривычно»), т.е. проблемы, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями зависят не только от их заболевания, но и от того насколько социум готов или не готов принять его таким.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Доминирующие у подростков представления об инвалидах носят, в основном, позитивный характер. В процессе общения с инвалидами стираются стереотипные мнения о них. В то же время общение с инвалидами для подростков сопряжено с рядом трудностей и поэтому носит ограниченный характер.

Библиографические ссылки

1. Симен-Северская, О.В. Социокультурные стереотипы как фактор социализации людей с инвалидностью / О.В. Симен-Северская // Вестн. Север.-Кавказк. федер. ун-та. Сер. Социолог. науки. – 2014. – № 5. – С. 239–243.

2. Шмелев, А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – С. 112–113.

Эвристики принятия решения учителями при выставлении отметок ученикам

Ю. В. ЗАЙЦЕВА

Белорусский государственный университет

Ограничения человеческого разума приводят к тому, что при необходимости принятия определённых решений люди прибегают к эвристикам. Эвристики позволяют ответить на определённый вопрос, заменяя его близким «эвристическим» вопросом, который легче приходит на ум [4]. Как правило, эвристики сосредотачивают внимание на одном аспекте сложной проблемы и игнорируют другие [1]. Эвристики хорошо работают в большинстве случаев, они позволяют быстро, без использования полной информации сделать точный вывод об объекте, но они также могут привести к отклонениям от логики, теории вероятностей и теории рационального выбора [1]. Полученные в результате ошибки называются когнитивными искажениями (cognitive bias). На данный момент учёными зарегистрировано множество различных типов когнитивных искажений. Было показано, что такие ошибки можно наблюдать в самых разных ситуациях, от оценки стоимости дома, до принятия решения относительно исхода судебного дела [3, 6].

В данном исследовании внимание направлено на эвристики, к которым обращаются учителя при принятии решения о том, какую отметку поставить ученику. Цель нашего исследования – выявить особенности эвристик принятия решений учителями при выставлении отметок ученикам. Полученные в исследовании результаты позволяют сделать вывод, какие из типов эвристик используются учителями чаще, а также как различается использование эвристик в различных ситуациях выставления отметки.

Для анализа особенностей эвристик принятия решений учителями при выставлении отметок ученикам была разработана авторская методика. Методика представляет собой анкету, в которой учителей просят пре-

доставить самоотчёт относительно эвристик, которые используются ими в своей реальной педагогической практике. В анкете представлены четыре вида эвристик: эвристика привязки, эвристика репрезентативности, моделируемая эвристика и эвристика доступности. В каждом из вопросов учителям представлена ситуация, а они должны выбрать, какими эвристиками они обычно руководствуются, когда сталкиваются с подобной ситуацией. Эти ситуации, во-первых, варьируются по значимости, во-вторых, в зависимости от использования эвристик при снижении отметки или при повышении отметки. Помимо авторской методики на выявление особенностей эвристик использовалась также методика «Исследование стереотипов восприятия успешного ученика» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов и Г.М. Мануйлов). Для математико-статистического анализа полученных данных были применены: частотный анализ, Т-критерий Вилкоксона, U-критерий Манна – Уитни, коэффициент корреляции Спирмена. Эмпирическую базу исследования составили 46 учителей, из них 3 мужчин и 43 женщины. Стаж работы варьируется от одного года до тридцати шести лет. Учителя были разделены на две группы в соответствии с преподаваемыми дисциплинами: учителя предметов гуманитарного и естественнонаучного профиля.

По результатам проведённого исследования было выявлено, что учителя чаще всего обращаются к *эвристикам доступности* (то, что легко вспоминается и представляется относительно ученика, а именно его общий интеллектуальный уровень и способности, а также отношение к предмету, старательность выполнения заданий), *эвристикам репрезентативности* (некоторые характеристики ученика, которые являются «репрезентативными» по отношению к «хорошим» или к «плохим» ученикам; к таким характеристикам относится поведение, дисциплина, языковая культура, т.е. уверенность, выразительность речи, использование слов-паразитов, аккуратность почерка, исходя из которых выставляют отметку). Как показали результаты исследования, учителя считают более репрезентативным успешному ученику ученика, относящегося к общетрудовому типу (дисциплинированного, трудолюбивого, ответственного, аккуратного), обладающего хорошими познавательными способностями и владеющего учебными умениями. Также часто обращаются к *моделируемым эвристикам* (сценарий будущего развития событий, сценарий того, как отметка повлияет на отношение к предмету в будущем, или же того, будет ли ученик сталкиваться с предметом в будущем; исходя из этого учителя более строго (понижение) или менее строго (повышение) подходят к оцениванию). Реже всего учителя обращаются к *эвристикам привязки* (осознанно или неосознанно подгоняют свои решения, сужде-

ния, оценки под определённый якорь: отметки ученика по другим предметам и предыдущие отметки ученика по своему предмету).

Тот факт, что учителя чаще прибегают к эвристике доступности, эвристике репрезентативности и моделируемой эвристике, и реже – к эвристике привязки, возможно, объясняется тем, что доступная информация (что-то, что можно легко представить или вспомнить относительно ученика), репрезентативная информация (какие-то характеристики ученика, стереотипы, каким должен быть успешный ученик), моделируемые сценарии (предполагаемые последствия отметки) присутствуют всегда. Однако для того, чтобы использовать эвристику привязки, нужно специально обратиться к отметкам ученика по другим предметам или по своему предмету. Если даже учитель просто помнит примерный уровень отметок ученика по своему предмету, но не «привязывается» к конкретному числу, то здесь можно говорить скорее об эвристике доступности, так как происходит вспоминание чего-то «наиболее вероятного». Видимо, поэтому эвристику привязки и используют реже, чем остальные эвристики.

Различий в количестве применяемых эвристик в разных по степени значимости ситуациях не наблюдается ($p=0,738$). Это говорит о том, что учителя одинаково часто используют эвристики в более значимых и в менее значимых ситуациях принятия решения при выставлении отметки. Возможно, здесь проявила себя своеобразная особенность интуиции экспертов: чем дольше человек работает в какой-либо области, тем в большей мере ему кажется, что его интуиция его не подводит, что его суждения верны, а решения правильны, повышается субъективная уверенность в своих выводах [5, 7]. Кроме того, существует такое когнитивное искажение, как предвзятость подтверждения (Confirmation Bias) – тенденция искать или интерпретировать информацию таким образом, чтобы подтвердить имевшиеся заранее концепции [8]. Получается, что учителя применяют эвристики, и они уверены в правильности своих решений, основанных на этих эвристиках, а в случае, если человек уверен в своём решении, он будет его принимать вне зависимости от значимости ситуации.

Однако, как оказалось, не все виды эвристик проявляют себя одинаково при различной степени значимости ситуации. Эвристику привязки используют чаще в более значимых ситуациях, а эвристику репрезентативности – в менее значимых. Возможно, эвристика репрезентативности используется с воспитательной, стимулирующей целью (чтобы воздействовать на поведение, дисциплину, языковую культуру ученика). Однако учителя стараются, чтобы это «воспитание» не влияло на итоговую от-

метку, поэтому используют эвристику репрезентативности в менее значимых ситуациях. Эвристику привязки же используют для того, чтобы подтвердить или подкорректировать свою отметку ученику в более значимой ситуации и, возможно, не испортить «общей картины» отметок ученика.

Что касается повышения и понижения отметки, то при повышении отметки эвристики используются значительно чаще, чем при понижении ($p \leq 0,000$). Это, возможно, объясняется правилом выставления отметок в пользу ученика, а, значит, в сторону повышения [2]. Такая тенденция наблюдается при использовании эвристики привязки в менее значимой ситуации, моделируемой эвристики в менее значимой ситуации, эвристики доступности в менее значимой ситуации, эвристики привязка в более значимой ситуации, а также эвристики доступности в более значимой ситуации.

Эвристика репрезентативности и моделируемая эвристика в более значимой ситуации используются одинаково часто и при повышении, и при понижении отметки. А эвристика репрезентативности в менее значимых ситуациях используется чаще при понижении отметки. Это, возможно, объясняется всё той же «воспитательной» целью, которую пытаются добиться с помощью этих эвристик (эвристики репрезентативности и моделируемой эвристики).

Количество используемых эвристик значимо не различается у учителей предметов гуманитарного и естественнонаучного профиля, однако учителя гуманитарного профиля чаще используют эвристики при понижении отметок, чем учителя естественного профиля, а также чаще прибегают к эвристике репрезентативности, вероятно, потому что эвристика репрезентативности включает в себя языковую культуру ученика.

Таким образом, учителя используют эвристики при принятии решения о том, какую отметку поставить ученику. Они чаще обращаются к эвристике доступности, эвристике репрезентативности и моделируемой эвристике, реже – к эвристике привязки. Выбираемые учителями эвристики, а также частота их применения различаются в разных по степени значимости ситуациях выставления отметки, а также при повышении и понижении отметки. Кроме того, применяемые эвристики различаются у учителей разного профиля.

Знание особенностей эвристик, применяемых учителями при выставлении отметок ученикам, позволит предсказать, к каким ошибкам эти эвристики могут привести, а также предотвратить многие из этих ошибок.

Библиографические ссылки

1. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро /Д. Канеман. – Москва: АСТ, 2014.
2. Нормы оценки результатов учебной деятельности учащихся общеобразовательных учреждений по учебным предметам [Электронный ресурс] / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск, 2010. – режим доступа:<http://www.edu.gov.by/sm.aspx?guid=3863>. Дата доступа:09.04.2015.
3. Englich, B. Playing Dice with Criminal Sentences: The Influence of Irrelevant Anchors on Experts' Judicial Decision Making / B. Englich, T. Mussweiler, F. Strack// Personality and Social Psychology Bulletin. – 2006. – 32. – p. 188-200.
4. Kahneman, D. Maps of Bounded Rationality: A Perspective on intuitive Judgment and Choice / D. Kahneman // Les Prix Nobel. – 2002. — p. 449-489.
5. Lichtenstein, S. Do those who know more also know more about how much they know? / S. Lichtenstein, B. Fischhoff // Organizational Behavioral and Human Performance. – 1977. – 20. – p. 159-183.
6. Northcraft, G.B. Experts, Amateurs, and Real Estate: An Anchoring-and-Adjustment Perspective on Property Pricing Decisions / G. B. Northcraft, M. A. Neale // Organizational Behavior and Human Decision Processes. –1987. – 39. – p. 84-97.
7. Oskamp, S. Overconfidence in case-study judgments / S. Oskamp // Journal of Consulting Psychology. – 1965. – 29. – p. 261-265.
8. Wason, P.C. On the failure to eliminate hypotheses in a conceptual task / P. C. Wason // Quarterly Journal of Experimental Psychology (Psychology Press). – 1960. – 12(3). – p. 129-140.

Предрасположенность к дауншифтингу у руководителя в зависимости от уровня профессионального выгорания

А. А. КАПТЮГ

Белорусский государственный университет

Деятельность руководителя характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью, необходимостью быстрого реагирования на изменения, она предполагает принятие ответственных решений в ситуациях, связанных с неопределенностью и риском. Одним из негативных последствий столкновения личности со столь сложными условиями современной жизни становится возникновение профессионального выгорания. Руководитель может добровольно отказаться от напряженной, требовательной деятельности, которая приводит к стрессам, с целью освобождения времени и сил на себя, на наслаждение от жизни. Это явление носит название – дауншифтинг. Данный феномен в отечественной психологии только приобретает популярность. В отличие

от зарубежной психологии, где такие авторы как Д. Дрейк, М. Boyle, F. Schumacher активно исследуют данный феномен.

В свою очередь, под профессиональным выгоранием понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Данный синдром включает в себя три составляющих: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений.

Анализ имеющихся определений профессионального выгорания и сопутствующих ему симптомов позволяет сделать вывод о том, что выгорание – это устойчивое, прогрессирующее, негативно окрашенное психологическое явление, характеризующееся психоэмоциональным истощением, развитием дисфункциональных установок и поведения на работе, потерей профессиональной мотивации, проявляющееся в профессиональной деятельности у лиц не страдающих психопатологией.

Выявлено, что дауншифтинг – очень новый и очень спорный термин, характеризующий последние изменения в социальной структуре развитых государств. Он представляет собой кальку английского глагола «todownshift», буквальный перевод которого звучит так: добровольно отказать от работы, связанной со стрессом, ответственностью, отнимающей все свободное время, ради спокойной жизни.

Данный феномен распространен среди руководителей, который в общих чертах обозначает добровольное долгосрочное изменение стиля повседневной жизни, связанное с существенным снижением доходов и потребления. Он может проявляться в смене жизненных приоритетов, изменении трудовой занятости, отказе от некоторых привычек (в первую очередь, в сфере потребления), социально-географической мобильности и т. д.

Выделяют следующие виды дауншифтинга: легкий и глубокий, в свою очередь «легкий» не требует полного разрыва с привычным укладом жизни и начинается с карьерного дауншифтинга, а «глубокий» дауншифтинг предусматривает уже более радикальное изменение стиля жизни, в первую очередь связанное с социально-географической мобильностью, проявляющейся в смене места жительства. Существует позитивный и негативный дауншифтинг. Негативным считает такой дауншифтинг, при котором главной целью становится самоустранение из реальности, которую сам человек превратил в жизненный тупик, что является своего рода эскапизмом, а позитивный дауншифтинг, наоборот, является способом освобождения от общественных и экономических ограничений, создаваемых прежде всего работой и потребительским миром. Рассматривают полный и частичный дауншифтинг. Полный дауншиф-

тинг – радикальный отказ от прежней деятельности и образа жизни. Частичный дауншифтинг – это любое снижение рабочих нагрузок и движение вниз по карьерной лестнице. Также есть временный и постоянные дауншифтинг, основное различие которых заключается в представлениях о карьере, потреблении и растущем доходе как о ведущей ценности.

Данные проведенного эмпирического исследования в отношении взаимосвязи между фазами профессионального выгорания и предрасположенностью к дауншифтингу позволяют сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между фазой напряжения и чувством утраты себя, стремлением к «растворению себя» в других людях. Такой аспект как переживание психотравмирующих обстоятельств также взаимосвязан с предрасположенностью к дауншифтингу. То есть, чем больше выражены такие показатели как переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой и чувство «загнанности в клетку», тем выше предрасположенность к дауншифтингу в данной фазе.

В фазе резистенции предрасположенность к дауншифтингу увеличивается с развитием таких показателей фазы как неадекватность эмоционального реагирования, дезориентация и редукция профессиональных обязанностей.

В фазе истощения показатель наличия психосоматических расстройств взаимосвязан с чувством утраты себя. На уровне тенденции есть связи между склонностью к творчеству и эмоциональной отстраненностью. Поэтому мы можем отметить, что предрасположенность к дауншифтингу увеличивается с формированием таких показателей как эмоциональный дефицит и отстраненность, развитие психосоматических расстройств.

В ходе исследования была установлена зависимость предрасположенности к дауншифтингу у руководителей от уровня и фаз их профессионального выгорания. Результаты свидетельствуют о том, что утрата себя из всех показателей предрасположенности к дауншифтингу от уровня профессионального выгорания в наибольшей степени определяется преобладанием развития фазы напряжения, по сравнению с другими фазами.

Уровень комфорта вне работы в наибольшей степени определяется преобладанием развития фазы истощения, по сравнению с другими фазами.

Динамика внутренней картины болезни у больных сахарным диабетом второго типа

Е. П. КАЧАН

Белорусский государственный университет

Одной из наиболее важных с точки зрения влияния на течение хронического заболевания характеристик пациента является внутренняя картина болезни (ВКБ) [2]. ВКБ традиционно рассматривается как представление больного о своём заболевании и совокупность переживаний, возникающих в связи с заболеванием, «сознание болезни» [2]. Она может быть рассмотрена как основной комплекс вторичных, психологических по своей природе, признаков заболевания, которые в ряде случаев могут отяжелять течение болезни, препятствовать успешности лечебных мероприятий и тормозить ход реабилитационного процесса [3; 4]. Данный психологический феномен является главным регулятором поведения и, в зависимости от условий, может способствовать развитию адаптационных или дезадаптационных эффектов [1]. Знание и понимание ВКБ необходимы врачу для определения наиболее адекватной тактики в работе с больными и выборе определённых форм лечения и методов коррекции.

В рамках данной работы нас интересовала динамика внутренней картины болезни у больных сахарным диабетом второго типа. Опираясь на многоуровневую теоретическую модель ВКБ Николаевой, в которой ВКБ рассматривается как сложное структурное образование, включающее в себя четыре уровня психического отражения болезни: чувственный, эмоциональный, интеллектуальный и мотивационный уровни - мы получили возможность рассмотреть каждый из уровней ВКБ в отдельности. Что позволило нам наглядно показать сходства и различия ВКБ в исследуемых группах и проследить динамику ВКБ у больных сахарным диабетом II типа.

В исследовании нами использовались следующие методики: «Торонтская шкала алекситимии» (TAS), «Шкала дифференциальных эмоций» К.Изарда, анкета «Оценка информированности больных о заболевании», метод «незаконченные предложения» (тест Сакса-Леви) и «Личностный опросник Бехтеревского института» (ЛОБИ). Экспериментальной базой исследования послужила «Школа диабета» на базе «Городского эндокринологического диспансера». Выборку составили 96 человек в возрасте от 49 до 73 лет: 39 пациентов со стажем заболевания до 1 года,

31 пациент от 1 до 5 лет и 26 пациентов от 5 до 10 лет. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью Н критерия Крускала-Уолиса и критерия Манна-Уитни (программа SPSS, версия 13.0).

В результате исследования были выявлены следующие особенности ВКБ в зависимости от длительности заболевания:

Степень выраженности «алекситимичности» у больных СД 2 типа различается в зависимости от длительности заболевания: с увеличением стажа заболевания СД 2 типа, уменьшается степень выраженности «алекситимичности».

Поскольку алекситимия – это личностная особенность, характеризующаяся сложностями в определении и словесном выражении эмоций, нарушением дифференциации чувств и телесных ощущений, можно говорить о том, что **чувственный уровень ВКБ** с увеличением длительности заболевания, по мере накопления опыта болезни становится все более дифференцированным, зрелым. Чувственная ткань со временем, получает вторичное означение, через создание «концепции» болезни: ощущения становятся симптомами болезни.

Интенсивность переживания эмоций по отношению к своему заболеванию (СД 2 типа) различается в зависимости от длительности заболевания. Достоверные различия, в целом, по трём исследуемым группам были выявлены по таким эмоциям как интерес, горе, страх, стыд и вина. С увеличением длительности заболевания их интенсивность постепенно снижается.

Повышенный негативный эмоциональный фон на начальных этапах течения заболевания главным образом, связан с изменением физического состояния и глубоким личностным кризисом, связанным с неожиданным и внезапным для человека диагнозом и как следствие переоценкой жизненных ценностей. У больных неизбежно на начальных этапах возникает психологическое напряжение из-за невозможности следования принятому ранее образу жизни, ощущение ущербности, выраженная зависимость от необходимости строгого соблюдения режима дня, физических нагрузок, питания, инъекций инсулина и приёма таблеток. Таким образом можно говорить о том, что **эмоциональный уровень ВКБ** характеризуется повышенным негативным эмоциональным тоном на начальных этапах болезни, с увеличением стажа заболевания интенсивность проявления негативных эмоций снижается.

Интеллектуальный уровень ВКБ с увеличением стажа заболевания характеризуется положительной динамикой информированности пациентов о СД. Что нами было связано, в первую очередь, с образовательными программами в ходе которых пациенты получают необходимую

информацию о СД и методах его контроля. Однако, если взглянуть на уровень информированности пациентов в отдельности по трём группам, можно заметить, что представители первой группы (стаж заболевания до 1 года), были значительно менее информированы о сахарном диабете, чем представители второй (от 1 года до 5 лет) и третьей (от 5 до 10 лет) группы.

Таким образом можно утверждать, что информированность пациентов о своём состоянии различается в зависимости от длительности заболевания.

Мотивационный уровень ВКБ в зависимости от длительности заболевания, также имеет свои особенности. На начальных этапах заболевания пациенты с сахарным диабетом II типа с одной стороны, мотивированны иллюзорным желанием излечиться и стремятся как можно усерднее выполнять рекомендации врачей, с другой - ещё морально не готовы принять тот факт, что больны и в полной мере осознать всю серьёзность ситуации, воспринимают болезнь как что-то несущественное, то с чем легко справиться. С увеличением длительности заболевания пациенты начинают более осознанно подходить к своему диагнозу, наступает понимание, что их болезнь - это не проходящее событие, а образ жизни. Мотивированность приобретает уже совсем другую направленность - на поддержание достойного и комфортного качества жизни.

На заключительном этапе нашего исследования, мы опирались на классификацию типов отношения к болезни, предложенную А.Е. Личко и Н.Л. Ивановым.

Достоверные различия, в целом, по трём исследуемым группам были выявлены по таким типам отношения к болезни как **гармоничный, эйфорический, анозогностический и эргопатический**. Базируясь на исследования М.Ю. Дробижева и Д.Н. Исаева, полученные нами типы отношения к болезни, были распределены в соответствии с нозогностическими типами реагирования на болезнь. В результате мы получили, что с увеличением стажа заболевания отмечается условно адаптивное отношение к болезни с тенденцией к гипонозогнозии (эргопатический и анозогностический варианты реагирования) и нормонозогнозии (гармоничный тип реагирования) характеризующейся трезвой оценкой своего состояния, стремлением содействовать успеху лечения, нежеланием обременять других тяготами ухода за собой, готовностью продолжать активную социальную активность, несмотря на болезнь и т.д. Что также помогло нам констатировать и зависимость выраженности гипернозогностических реакций у лиц с СД от продолжительности заболевания.

Для более убедительной аргументации сделанных выводов, нами были разделены исследуемые типы отношения к болезни условно на адаптивные и дезадаптивные. В результате мы получили, что с увеличением стажа заболевания изменяется частота доминирования адаптивных и дезадаптивных типов реагирования - с увеличением стажа заболевания наблюдается положительная динамика формирования ВКБ, проявляющаяся в всё более трезвой оценке своего состояния без склонности преувеличения и без недооценки серьёзности болезни.

На наш взгляд полученные данные могут способствовать оптимизации системы клинико-психологической помощи пациентам с сахарным диабет II типа. Поскольку клинико-психологическое изучение особенностей ВКБ, реакций личности на болезнь необходимо для правильной целостной оценки состояния соматически больного, комплексного лечения и профилактики негативного психосоматического эффекта и деформации личности.

Библиографические ссылки

1. Вассерман, Л.И. Эмоционально-личностные факторы формирования отношения к болезни у больных сахарным диабетом 1-го типа / Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, О.Ю.Щелкова // Пробл. эндокринологии. – 2006. - №1. – С. 4-7.
2. Лурия, Р.А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания / Р.А. Лурия. – М.: Медгиз, 1944. – 126 с.
3. Николаева, В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – Москва: Издательство МГУ, 1987. – 167 с.
4. Николаева, В.В. Динамика ВКБ как показатель кризиса развития личности в условиях болезни // В.В. Николаева. – Москва: Издательство МГУ, 1988. – 189 с.

Половые различия гелотофобии в период юности

К. С. КРЫШТОП

Белорусский государственный университет

Исторически принято считать, что юмор и смех играют положительную роль в жизни человека, однако в настоящее время в поле зрения некоторых авторов попадает его негативная сторона – феномен гелотофобии [3].

Эта проблема на сегодняшний день получает всё большее распространение за рубежом и представляет научный и практический интерес

как в контексте изучения индивидуальных различий, так и в рамках психопатологии.

По результатам исследования В. Руха на румынской выборке, именно в период юности, в возрасте от 18 до 24 лет, гелотофобические черты личности проявляются наиболее выражено. По результатам указанного исследования было установлено, что у девушек показатели гелотофобии выше, чем у юношей [7].

Результаты кросс-культурного исследования подтвердили универсальность гелотофобии, распространённость её среди здоровых испытуемых от 5 до 12% населения [4].

В проведенном исследовании акцент ставился на субклинических проявлениях гелотофобии. Исследование проводилось на здоровых испытуемых, чтобы выявить степень выраженности страха выглядеть смешным, а также выявить половые различия гелотофобического самовосприятия и реагирования в период юности.

Актуальность данной проблемы обусловлена повышенными требованиями к социализации (профессиональному, семейному самоопределению) юношей и девушек, высокой степенью фиксации на собственной внешности, интересом к «вечным» вопросам (мировоззренческий поиск), тенденцией к рискованному поведению, уязвимости к психотравмирующим факторам [2]. Кроме того, было установлено, что страх насмешки отрицательно влияет на процесс обучения в школах и вузах, а именно на любознательность и творческий процесс учащихся. Данная проблема также является актуальной для изучения в нашей культуре [6].

Изучение страха выглядеть смешным представляет интерес для многих областей научной и практической психологии, поскольку профилактика и психотерапия гелотофобии является важным условием повышения качества жизни людей, у которых проявляются её признаки.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы М. Титца и В. Руха, в которых учёные рассматривают гелотофобию как форму социофобии [7;8;9;10]. В этой работе мы придерживались возрастной периодизации Г.С. Абрамовой, согласно которой юношеский возраст охватывает промежуток с 18 до 22 лет [1].

Для диагностики гелотофобии был использован опросник «GELOPH 15» В. Руха и Р.Т. Проьера, адаптированный С.Н. Ениколоповым и коллегами [3].

В качестве организационного метода исследования использовался метод анкетирования. Для статистической обработки данных использовался пакет «SPSS for Windows v. 17.0» (Т-критерий Стьюдента).

В исследовании, проведённом в студенческом общежитии БГУ №10 города Минска с 24.02.20015 по 26.02.2015 года, приняло участие 110 студентов (55 юношей и 55 девушек). Все испытуемые являлись студентами высшего учебного заведения – факультет радиофизики и компьютерных технологий, биологического, гуманитарного, филологического факультетов, а также факультета философии и социальных наук. Возраст студентов составил от 18 до 22 лет.

Проведённое исследование было направлено на изучение половых различий феномена гелотофобии в юношеском возрасте.

В рамках исследования выявлены подходы к дефинированию гелотофобии и раскрыты основные объяснительные концепции данного феномена.

Также в данной работе продемонстрирована попытка установить половые различия в проявлении боязни насмешек и определить её особенности в период юности.

Проведённый теоретический анализ позволил нам установить следующие подходы к определению гелотофобии: бихевиористский (гелотофобия как результат прошлого негативного опыта), когнитивный (гелотофобия как результат навязчивых нерациональных мыслей), психоаналитический (гелотофобия как результат воспитания) [6;7;8;9]. В современной науке эти подходы рассматриваются преимущественно вместе.

Теоретический анализ данных позволил выделить различные последствия гелотофобии. С одной стороны, оптимальные значения гелотофобии могут усиливать межличностные различия и ощущение собственной индивидуальной идентичности. Оптимальная выраженность гелотофобии – важный фактор самосознания, формирования некоего знания о себе самом. Ситуация осмеяния позволяет знакомиться с новыми особенностями себя, увидеть некоторые паттерны с другого ракурса, с точки зрения других людей. С другой стороны, превышающие порог значения гелотофобии (2,5 балла) может иметь негативные последствия, связанные преимущественно с нарушениями коммуникации. Гелотофобия может создавать впечатление собственной неумелости, нелепости, неадекватности поведения в определённой ситуации. В этом плане механизм ее работы может быть подобен действию критичности мышления – понятию, изучаемому чаще в рамках патопсихологии.

На основании подсчётов результатов по каждой из шкал опросника гелотофобии можно выделить некоторые особенности её проявления, характерные для юношеского возраста.

По шкале гелотофобическое социальное реагирование у 20% опрошенных пограничная выраженность, у 12% – легкая форма. По шкале гелотофобическое самовосприятие у 22% испытуемых отмечается пограничная выраженность, у 15% анкетированных – лёгкая форма, у 5% – выраженная форма гелотофобии.

Гелотофобическое самовосприятие более распространено в этот период. Так, лёгкая и выраженная степени данного качества характерны приблизительно для 20% испытуемых (15% респондентов с лёгкой формой, 5% – с выраженной формой). Это говорит о том, что у большинства юношей и девушек на данном этапе успешно сформировались стратегии совладания с ситуациями насмешек, а также сформировалась более устойчивая самооценка, что позволяет ингибировать развитие у них гелотофобического самовосприятия.

По индексу гелотофобии среди юношей и девушек были получены следующие результаты: 22% анкетированных имеют пограничную форму гелотофобии, 15% – лёгкую форму гелотофобии.

Для сравнения приведём результаты исследований, проведенных в других странах. Так, исследование, проведенное в Румынии, позволило установить, что 9% респондентов имеют лёгкую форму гелотофобии, 4% – выраженную форму. В Англии у 10% опрошенных была выявлена лёгкая форма, у 2% – выраженная и у 1% – крайняя форма гелотофобии [4]. Таким образом, среди белорусских испытуемых отсутствовали индивиды с выраженными гелотофобическими чертами, что может объясняться как меньшим объёмом выборки, так и культурными особенностями. Кроме того, в зарубежных исследованиях возрастной диапазон испытуемых также был более широким.

Результаты проведенного нами эмпирического исследования свидетельствуют об отсутствии явных половых различий гелотофобии в юношеском возрасте.

Отсутствие различий между юношами и девушками в гелотофобическом социальном реагировании может быть обусловлено тем, что и представители мужского пола, и представители женского пола в период юности имеют одинаковый уровень тревожности в ситуациях социального взаимодействия [5]. Поэтому можно предположить, что и насмешек бояться они будут в одинаковой степени.

Также можно предположить, что отсутствие половых различий гелотофобии может быть связано с культуральными особенностями смеховой культуры и социодемографическими особенностями, присущими гражданам нашей страны. Этот вопрос требует дальнейшего более детального изучения.

Библиографические ссылки

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учеб.пособие для студ. вузов / Г.С. Абрамова. – 4-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 672 с.
2. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека: Учеб.пособие / Е.Е. Сапогова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 460 с.
3. Стефаненко, Е.А. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии / Е.А. Стефаненко, Е.М. Иванова, С.Н. Ениколопов, Р. Пройер, В. Рух // Психологический журнал, 2011. – Том 32, № 2. – С. 94–108.
4. Breaking ground in cross-cultural research on the fear of being laughed at (gelotophobia): A multi-national study involving 73 countries / R.T. Proyer [et al.] // Humour: International Journal of Humour Research. – 2009. – Vol. 22, № 1/2. – P. 253-279.
5. Gender differences in anxiety disorders and anxiety symptoms in adolescents / P.M. Lewinsohn [et al.] // NCBI [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9505043>. – Date of access: 01.04.2015.
6. Ruch, W. Fearing humor? Gelotophobia: The fear of being laughed at Introduction and overview / W. Ruch // Humour. - 2009. - Vol. 22, № 1-2. - P. 1-25.
7. Ruch, W. The fear being laughed at: Individual and group differences in Gelotophobia / W. Ruch, R.T. Proyer // Humour :Int.J of Humor Research. – 2008. – Vol. 21, № 1. – P. 47–67.
8. Ruch, W. The fear of being laughed at (gelotophobia) and personality / W. Ruch, R.T. Proyer, D.E. Popa // An. Inst. de Ist. „G. Baritiu” din Cluj-Napoca. Series Humanistica. – 2008. – Vol. 6, № 3. – P. 53-68.
9. Titze, M. Gelotophobia: The fear of being laughed at / M. Titze // Humour: International Journ. of Humor Research. – 2009. – Vol. 22, № 1/2. – P. 27–48.
10. Titze, M. The Pinocchio Complex: Overcoming the fear of laughter / M. Titze // Humour and Health Journal. – 1996. – Vol. 5. – P. 1–11.

Специфика переживаний в момент жизненного выбора (на примере выбора места жительства)

Е.Ю. МАЗУР

Белорусский государственный университет

На протяжении всего жизненного пути человек постоянно сталкивается с необходимостью делать выбор. Он может касаться как совершенно простых и обыденных вещей, связанных с повседневными заботами, так и обращаться к сферам, затрагивающим глубинные личностные интересы и ценности.

Выбор как психическая реальность трудно поддается изучению и объяснению. Это связано как своеобразием момента выбора, так и с индивидуальностью самого субъекта, особенностями его внутренней психической активности. Тем не менее существует большое количество теоретических концепций, изучающих данный феномен [3]. Выбор представлен и как набор некоторых возможностей, и как процесс сравнения и предпочтения одной из них, и как результат выборной деятельности. При этом выделяются различные виды выбора в зависимости от специфики исследовательской парадигмы. Также подчеркивается одновременность протекания выбора в социальном и экзистенциальном пространствах. Это становится возможным благодаря переживаниям, возникающим в ситуации выбора и позволяющим ей встроиться в жизненный опыт индивида.

Особый интерес к изучению переживаний бытия человека можно проследить в экзистенциальной психологии. Здесь подчеркивается уникальность личного опыта конкретного человека, несводимость его к общим схемам, уникальность в решении экзистенциальных проблем, например, проблем свободы, ответственности и выбора. Их решение возможно с помощью Я-концепции как экзистенциального ядра личности, обеспечивающего ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию [1].

Вследствие всего вышесказанного возникает необходимость исследования переживания ситуации выбора относительно его социокультурной и индивидуально-психологической детерминации. Что возможно только при включении в область изучения экзистенциальности как связующего звена.

Разработки данной тематики можно найти у ряда зарубежных авторов. Так, например, Дж. Беринг (J.M. Bering) рассматривает экзистенциальную теорию сознания и описывает три экзистенциальных уровня функционирования сознания [5]. К ним относятся события, опыт и существование. С точки зрения автора эти уровни образуют своеобразную иерархию, имеют свои закономерности функционирования и усложняются по мере развития когнитивных структур личности. Также в ряде работ описывается объединение экзистенциального и социального измерений и их взаимодействие [6; 7].

При этом следует выделить не просто категорию выбора, а специфический выбор места жительства. Так как он неразрывно связан с событиями на жизненном пути человека, может быть определен в категориях жизненного и экзистенциального выбора и способен вызывать глубокие переживания у индивида [2; 4].

Поиски в рамках поставленного вопроса привели к созданию работы, предметом исследования которой стала система индетерминант переживания ситуации выбора у потенциального эмигранта, т. е. выбора места жительства как решения или отказа от решения переехать жить в другую страну.

Одна из задач, стоящая перед исследователем, заключалась в установлении особенностей переживания ситуации выбора у потенциального эмигранта.

Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что практика предыдущих выборов определяет новые выборы, а именно, индивид, обладающий в прошлом опытом территориальной мобильности, менее экзистенциально вовлечен в переживание ситуации выбора, чем индивид, таким опытом не обладающий.

Исследование проходило в несколько этапов. Вначале был проведен теоретико-методологический анализ научных разработок относительно предмета настоящего исследования. В основу методологии данной работы были положены экзистенциальная теория сознания Дж. Беринга, экзистенциальная модель культуры К. Вонтресс и Л. Епп (С.Е. Vontress, L.R. Epp), концепция экзистенциальной дилеммы С. Мадди, концепция жизненного выбора, а также концепция возрастного развития Д. Левинсона (D.J. Levinson).

Следующим шагом стало создание анкеты, позволяющей изучить особенности переживания ситуации выбора у потенциального эмигранта. В первой части акцент был сделан на получении общих сведений о респонденте и его опыте. Вторая часть предполагала сбор данных о жизненных событиях опрашиваемых, повлиявших на принятое решение о переезде или отказе от него. Эти события актуализировались с помощью вопросов исследовательского (феноменологического) интервью. В третьей части анкеты изучались особенности выбора респондента. Это стало возможным с помощью методического приема «Субъективное качество выбора», предложенного Д.А. Леонтьевым и Е.Ю. Мандриковой и предполагавшего изучение специфики процесса принятия решения и отношения к выбору и принятому решению у опрашиваемых.

После сбора первичных данных при проведении очного и заочного анкетирования они подверглись обработке и интерпретации в виде количественного и качественного анализа, а именно феноменологического анализа результатов исследовательского интервью. Наряду с этим, была проведена процедура статистической обработки данных с помощью программы SPSSStatistics 17.0, включавшая в себя: частотный анализ; использование непараметрического критерия Манна-Уитни, критерия хи-

квадрат Пирсона и точного критерия Фишера; подсчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена; а также последующую визуализацию информации.

В исследовании приняли участие 74 человека в возрасте от 16 до 49 лет, большинство которых являются студентами и магистрантами Белорусского государственного университета (72,97 %), обучающимися на гуманитарных специальностях. Из общего числа респондентов 30 человек (40,54 %) отрицательно ответили на вопрос о переезде в другую страну на постоянное место жительства (немобильные лица), 32 человека (43,24 %) – положительно (потенциальные эмигранты), 7 человек (9,46 %) затруднились ответить на этот вопрос; еще 4 человека (5,41 %) переехали жить в другую страну не более полугода назад.

В результате феноменологического анализа данных определились общие тенденции относительно специфики переживаний в ситуации выбора места жительства. Немобильные лица, которые в прошлом не имели опыта переезда в другую страну на постоянное место жительства, стали единственной группой респондентов, обладающей схожей направленностью переживаний независимо от характера значимых жизненных событий и времени их актуализации. Переживания же всех остальных групп респондентов носили амбивалентный характер. Потенциальные эмигранты, которые в прошлом не имели опыта переезда в другую страну на постоянное место жительства, стали группой респондентов, обладающей наиболее развернутой структурой переживаний.

Статистическая обработка данных позволила говорить о том, что немобильные лица в целом обладали более активным опытом перемещений на страновом и на межстрановом уровне. Тогда как потенциальные эмигранты наоборот обладали менее активным опытом перемещений. В процессе принятия решения о переезде в другую страну на постоянное место жительства потенциальные эмигранты принимали решение с колебаниями, для них было менее характерным преобладание чувства гордости за свой выбор, они испытывали больше затруднений и прилагали больше усилий для совершения выбора. Выбор потенциальных эмигрантов отличался большей неоднозначностью, повышенной неопределенностью, нес большие риски для выбирающего индивида, для него было характерным большее продвижение индивида вперед.

Таким образом, основная гипотеза исследования частично подтвердилась. Так потенциальные эмигранты чаще делали выбор в пользу неизвестности (выбор смены места жительства), т. е. выбор в пользу будущего по С. Мадди, который сопровождался потоком специфических переживаний. Следовательно, выбор смены места жи-

тельства действительно является экзистенциальным выбором, вызывая в процессе принятия решения экзистенциально окрашенные переживания.

Дальнейшее изучение в рамках поставленного вопроса может привести к преобразованию и дополнению рассматриваемых теоретических и методологических, а также практических областей психологического знания.

Библиографические ссылки

1. Голубь, О.В. Я-концепция как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию / О.В. Голубь // Веснiтнiк ВолГУ. Сер. 11, Естественные науки. – 2012. – № 1 (3). – С. 94–100.
2. Комлев, А.А. Психологические факторы значимого жизненного выбора : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / А.А. Комлев. – Тамбов, 2003. – 194 л.
3. Мандрикова, Е.Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е.Ю. Мандрикова. – Москва, 2006. – 195 л.
4. Фахрутдинова, Л.Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Л.Р. Фахрутдинова. – Казань, 2012. – 535 л.
5. Bering, J.M. Towards a cognitive theory of existential meaning / J.M. Bering // New Ideas in Psychology. – 2003. – № 21. – P. 101–120.
6. Felder, A.J. A cultural-existential approach to therapy: Merleau-Ponty's phenomenology of embodiment and its implications for practice / A.J. Felder, B.D. Robbins // Theory & Psychology. – 2011. – Vol. 21(3). – P. 355–376.
7. Vontress, C.E. Existential Cross-Cultural Counseling: When Hearts and Cultures Share / C.E. Vontress, L.R. Epp // SAGE Publications [Electronic resource]. – Mode of access : http://sage-ereference.com/hdbk_humanpsych/Article_n29.html. – Date of access : 02.10.2009.

Выбор стратегий совладания с зубной болью у пациентов с различным уровнем тревожности

М. И. МОЙСЕЙЧУК

Белорусский государственный университет

Научный интерес к изучению особенностей поведения человека, который оказался в сложной жизненной ситуации, испытывающего психологический стресс, а также механизмов и средств адаптации к ним привело к появлению нового направления исследований в медицинской психологии, а именно копинг-исследований. В зарубежной психологии эти исследования связаны в первую очередь с именами Р. Лазаруса и

С. Фолкмана. Российская психология, изучающая копинг, представлена работами В.Ф. Василюка, Б.Д. Карвасарского, Т.Л. Крюковой, В.А. Бодрова и другими авторами.

Разработка проблемы особенностей выбора стратегий совладания с болевыми ощущениями важна для психологической науки, так как с этих позиций можно более содержательно изучить специфику внутренней работы человека по мобилизации внутренних и внешних ресурсов.

Среди заболеваний, связанных с переживанием болевых ощущений, стоят и стоматологические, которым человек подвержен еще с раннего детства. Сегодня устойчивым стало понятие дентофобии – боязни любых стоматологических манипуляций. Как правило, пациенты этого профиля проявляют признаки беспокойства, тревоги и даже панический страх. Важная роль в регуляции психоэмоционального статуса пациента принадлежит, безусловно, врачу-стоматологу, которому по силе оптимизировать оказание врачебной помощи, сделать лечение эмоционально комфортным как для пациента, так и для врача.

Сегодня понятие «совладающее поведение» имеет широкий психологический контекст и под ним понимается индивидуальный способ взаимодействия личности с трудной жизненной ситуацией, выбор которого зависит от ее субъективной значимости для человека. Ресурсная база совладающего поведения включает в себя индивидуальные, личностные (Я-концепция, локус контроля, восприятие социальной поддержки, эмпатия) ресурсы и социальные, связанные с поддержкой социальной среды.

Методологической основой исследования является когнитивно-феноменологическая теория стресса Р. Лазаруса, рассматривающая психологический стресс как особое состояние личности, связанное с оценкой ситуации, в которой находится человек. В то же время процесс оценки человеком ситуации зависит от его прошлого опыта, мышления, памяти и личностных особенностей [4].

Исследование особенностей выбора стратегий совладания с зубной болью проводилось в 2 этапа, при этом на 1 этапе проводилась процедура адаптации методик на русский язык, а на 2 этапе – непосредственное изучение стратегий совладания с зубной болью при различных уровнях тревожности у стоматологических больных. При проведении исследования использовались следующие методики: модифицированная шкала тревожности при посещении стоматолога (MDAS) [3], опросник совладания с болью (VPMI) [2], цифровая шкала оценки боли [1].

Процедура адаптации методик осуществлялась в несколько этапов. Методики были переведены на русский язык профессиональным переводчиком, а также было проведено когнитивное интервью 15 испытуемых

для корректировки утверждений методик. Процедура валидизации состояла из вычисления надежности-согласованности пунктов методик, подтверждения факторной структуры и процедуры теста-ретеста. В процедуре валидизации приняли участие 137 испытуемых: условно здоровые индивиды из общей популяции (взрослые и студенты непсихологических специальностей) в возрасте от 18 до 65 лет (средний возраст – 19,9 лет). Из них 106 женщин, 23 мужчины и 8 испытуемых не назвали своего пола.

Непосредственно, исследование стратегий совладания осуществлялось на базе частной стоматологической клиники «Доктор Почтаренко». В исследовании приняли участие 60 пациентов в возрасте от 11 до 67 лет на момент проведения исследования (средний возраст – 38,8). Среди пациентов был 21 мужчина и 39 женщин. Жалобы пациентов носили терапевтический характер и не являлись областью стоматологической хирургии или ортодонтии.

По результатам корреляционного анализа были сделаны следующие выводы. Существует связь между половозрастной принадлежностью пациента и выбираемыми им стратегиями совладания с зубной болью. Женщины имеют тенденцию выбирать стратегии катастрофизации ($r=0,287$, $p<0,05$) и поиска социальной поддержки для совладания с зубной болью ($r=0,4$, $p<0,01$). Данная взаимосвязь может объясняться господствующими в обществе стереотипами о фокусировке женщин на межличностных и эмоциональных аспектах ситуации, что, в свою очередь, побуждает женщин искать помощи в совладании с болью у близких, либо преувеличивать свои ощущения и симптомы. В то же время такая тенденция может быть вызвана уровнем тревожности женщин: они оказались более тревожны при посещении стоматолога ($r = 0,361$, $p < 0,01$), вследствие чего могут преобладать такие стратегии совладания с болью, как катастрофизация и поиск социальной поддержки. Также было обнаружено, что молодые пациенты имеют тенденцию катастрофизировать свои болевые ощущения ($r=-0,276$, $p<0,05$), что может объясняться недостаточностью опыта в преодолении боли.

В ходе исследования также обнаружили различия (применялся U-критерий Манна-Уитни) между выбором копинг-стратегий у групп пациентов с низким, средним и высоким уровнем тревожности. Пациенты, составляющие группу низкого уровня тревожности, реже (среднее значение – 7,05 и 9,05 соответственно) прибегают к стратегиям катастрофизации и поиска социальной поддержки, нежели пациенты из группы высокого уровня тревожности (среднее значение – 16,97 и 15,63 соответственно) при посещении стоматолога. Также пациенты, входящие в группу

среднего уровня тревожности реже (среднее значение – 21,89 и 22,23 соответственно), чем пациенты, входящие в группу высокого уровня (среднее значение – 33,93 и 33,13 соответственно), выбирают для совладания с зубной болью катастрофизацию и поиск социальной поддержки.

Полученные данные подтверждают выводы специалистов о том, что высокая тревожность пациента отрицательно влияет на выбор им стратегий преодоления боли. Под отрицательным влиянием тревожности подразумевается выбор пациентами в пользу пассивных копинг-стратегий для совладания с болью (в число которых включается как катастрофизация, так и поиск социальной поддержки). Таким образом, общую тенденцию совладания с болевыми ощущениями при различных уровнях тревожности справедливо ожидать и в ситуации совладания с зубной болью.

Результаты исследования актуализируют проблему обучения и ориентации врачей в психологических особенностях пациентов, умении по объективным данным, как пол и возраст, предугадать, какими копинг-стратегиями воспользуется пациент. Также по сообщаемому пациентом уровню тревожности стоматолог способен скорректировать и организовать лечение, что позволит снизить вероятность использования стратегии катастрофизации для совладания с болью.

Библиографические ссылки

1. Применение шкал и анкет в обследовании пациентов с дегенеративным поражением поясничного отдела позвоночника: метод. рекоменд. / ФГБУ "НЦРВХ" СО РАМН ; авт.-сост. В.А. Бывальцев, Е.Г. Белых, Н.В. Алексеева, В.А. Сороковиков. – Иркутск. – 2013. – 32 с.
2. Brown, G.K. The development of a questionnaire for the assessment of active and passive coping strategies in chronic pain patients // Pain. – 1987. – № 31. – P. 53-65.
3. Corah, N. Development of a dental anxiety scale // J. Dental Researches. – 1969. – № 48. – P. 1-10.
4. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process. – New York: McGraw-Hill, 1966. – 291 p.

Гендерные различия в социальных установках студентов в отношении женщин с избыточным весом

Е. Г. ОСИПЧИК

Белорусский государственный университет

В современном мире внешняя привлекательность все чаще выступает в качестве важнейшего атрибута личности, а образ стройного, безупречного тела становится объектом недостижимого идеала, к которому необходимо стремиться.

Образ Физического Я — это социальный феномен, обладающий рядом особенностей, которые выражаются критериями внешней привлекательности: физический облик человека существует в гармонии анатомических, социальных и функциональных признаков (А. Черкашина). Культурные стандарты, транслируемые с помощью средств массовой информации, создают не только нормативные понятия о физической привлекательности и непривлекательности, но и гендерно обусловленные представления о мужественности и женственности в их физическом воплощении (Е. Fitzsimmons). Обществом предписываются различные способы достижения социально одобряемого эталона физической привлекательности. Его интериоризация порождает выработку базовых установок, связанных с образом тела, предопределяющих дальнейшее поведение индивида.

Наиболее существенные исследования, изучавшие социальные установки и их последствия для лиц с избыточным весом, были проведены в рамках зарубежной психологии (И. Гофман, С. Фокс, С. Фэроу, А. Фэлоу, М. Тигемен, К. О'Брайн, Р. Пул, Ж. Пулар, К. Кранделл, В. Бэкман), а также отечественной психологии (М.А. Гаврилов, Е. Л. Креславский, О. Сагалакова, Ю.Л. Савчикова, Т. П. Бардымова, Е. В. Улыбина, К. Кряжева).

Особенно большое внимание к своим внешним данным и к мнению о них окружающих — одно из важнейших свойств юношеского периода, поскольку в этом возрасте происходит формирование личности с её ценностными установками, а также определение ее социальной роли. Известно, что в юношеском возрасте представители обоих полов достигают физической и половой зрелости. В этом возрасте человек осознает сложность взаимоотношений между мужчиной и женщиной (Н. Медвецкая). Юноши и девушки в большой степени озабочены своей фигурой. От фигуры может зависеть и место в обществе, и отношение с противополож-

ным полом и особенно перспективы долгосрочных отношений, ведущих к браку.

С целью выявления гендерных различий в социальных установках студентов в отношении женщин с избыточным весом было проведено эмпирическое исследование. В нем приняло участие 120 студентов в возрасте 19-25 лет, из них 50% девушек и 50% юношей. Для сбора данных использовались авторская анкета, опросник BSRI (BemSexRoleInventory)С. Бэм, а также методика «Личностный дифференциал».

На предварительном этапе исследования нами была проведена экспертная оценка 20 фотографий с изображением женщин с избыточным весом. Всем респондентам, выступавшим в роли экспертов, показывались фотографии в одном и том же порядке. Порядок был выбран таким образом, чтобы у респондентов не сложилось однозначно негативной или позитивной оценки в отношении всех последующих изображений. Респонденты должны были по 5-бальной шкале оценить впечатление, которое на них производят женщины (девушки) на фото. Также мы задавали открытый вопрос: «Почему вы поставили именно такую оценку?». Данный вопрос не являлся обязательным, поэтому респонденты сами решали отвечать на него, или нет.

Таким образом, нами были опрошено 44 эксперта (из них 50%составили девушки, 50% – юноши). Полученные результаты помогли выбрать фотографии привлекательных женщин с избыточным весом, а также женщин, которые получили среднюю, нейтральную и негативную оценки. Эти фотографии использовались в дальнейшем в исследовании, для проведения которого был выбран метод репертуарных решеток Дж. Келли, что позволило выявить индивидуальные конструкты респондентов и составить более информативный образ женщины с избыточным весом у студентов. С использованием метода триад было опрошено 20 студентов и выделены следующие конструкты: скромная /вульгарная; аккуратная /неаккуратная; умная /глупая; заметная /незаметная; красивая /некрасивая; опрятная /неопрятная; приятная /неприятная; сексуальная /асексуальная; серьезная /несерьезная; ухоженная /неухоженная. Данные конструкты дополнили список шкал личностного дифференциала, что позволило как можно более подробно описать структуру и содержание социальных установок студентов в отношении женщин с избыточным весом.

Перейдем к полученным результатам и охарактеризуем социальные установки студентов в отношении женщин с избыточным весом. Для

этого нами был проведен факторный анализ методом главных компонент.

Структуру социальных установок студентов в отношении женщин с избыточным весом составили 5 факторов: «физическая привлекательность», «сила», «оценка», «активность», «межличностная привлекательность». Содержание социальных установок студентов в отношении женщин с избыточным весом выражает негативные тенденции описания полной женщины как зависимой, неуверенной, некрасивой, неухоженной, асексуальной. Однако наблюдается и положительные тенденции оценивания женщины с избыточным весом как доброй, отзывчивой, разговорчивой, дружелюбной. По фактору «сила» социальные установки являются преимущественно негативными, включают в себя такие качества как зависимость, подавленность, несамостоятельность, раздражительность, суетливость, разговорчивость, слабость. По фактору «оценка» респонденты охарактеризовали женщину с избыточным весом как справедливую, отзывчивую, добрую, честную, скромную, дружелюбную. По фактору «активность» женщина с избыточным весом представляется как уступчивая, пассивная, неуверенная. По фактору «физическая привлекательность» установки по отношению к женщине с избыточным весом включают в себя следующие признаки: некрасивая, неухоженная, неопрятная, неприятная, асексуальная, неаккуратная. Фактор «межличностная привлекательность» характеризует женщину с избыточным весом как дружелюбную, недоверчивую, скромную, нелюдимую, вялую.

По результатам нашего исследования были выявлены гендерные различия в оценках женщины с избыточным весом студентов с маскулинной, андрогинной и феминной гендерной идентичностями. Так, частично подтвердилась гипотеза о том, что маскулинные студенты будут негативно оценивать женщину с избыточным весом. Однако, по результатам проведенного исследования, маскулинные и феминные студенты в целом одинаково негативно оценивают женщину с избыточным весом по фактору «физическая привлекательность», при этом более негативно, чем андрогинные студенты, которые кроме отрицательных характеристик личности также выделяют и положительные характеристики. В целом, женщина с избыточным весом маскулинными и феминными студентами описывается как асексуальная, неухоженная, неприятная, неаккуратная. Андрогинные же студенты оценивают женщину с избыточным весом как незаметную, асексуальную, приятную.

Охарактеризовав полученные результаты о социальных установках студентов в отношении женщин с избыточным весом, мы пришли к следующим выводам. Женщину с избыточным весом студенты с маскулин-

ной и феминной гендерной идентичностями оценивают преимущественно негативно, при этом студенты с андрогинной гендерной идентичностью характеризуют женщину с избыточным весом более позитивно. Негативное содержание выявленных установок сосредоточилось в оценках по фактору «сила»: женщин с избыточным весом студенты считают зависимыми, подавленными, несамостоятельными, слабыми. Однако существуют и положительные тенденции оценивания женщины с избыточным весом как доброй, отзывчивой, дружелюбной, разговорчивой.

Особенности символического выражения эмоций в рисуночных тестах у студентов различных специальностей

А. А. ПЕТРОВСКАЯ

Белорусский государственный университет

На сегодняшний день проективные рисуночные методики являются одними из часто используемых методов диагностики на начальном этапе исследования личности. Как средство диагностики рисунок может применяться для индивидов любого возраста, поскольку главным преимуществом рисуночного теста, по мнению некоторых исследователей, является легкость в проведении и достаточно высокий уровень информативности. Также рисунок отражает бессознательные импульсы и переживания человека [1].

Существует немалое количество рисуночных методик, в рамках которых подаются конкретные критерии к анализу рисунка. Также существуют общие, наиболее приемлемые и проработанные критерии для интерпретации [1].

Таким образом, интерпретация символа ведется не его носителем, а исследователем. Благодаря тому, что человек не осознает своих проекций, он не может исказить результаты. Однако нам кажется важным обратить внимание на одно противоречие. Прежде, чем это сделать, обратимся к термину проекция в его психодиагностическом значении, а именно: «проекция – это процесс и результат взаимодействия испытуемого с объективно нейтральным неструктурированным материалом, в ходе которого осуществляется идентификация и собственно проекция, то есть наделение собственными мыслями, чувствами, переживаниями» [3, с. 5]. Итак, поскольку индивид склонен приписывать изначально нейтральным объектам действительности именно *собственные* пережива-

ния, эмоции, мысли, возникает следующий вопрос: возможна ли интерпретация символических аспектов рисунка по устоявшимся критериям? В этом случае исследователь обобщает личный и, в некоторой степени, неповторимый опыт индивида, а интерпретацию полученных результатов производит шаблонно. Таким образом, появляется еще одно основание для более детального изучения символических параметров в рисуночных тестах. Ведь изображенные элементы не всегда могут выражать страх, гнев, отчаяние, радость. Они могут свидетельствовать, к примеру, об интересе, воображении и т.п. В общем смысле интерпретация изображения может носить личностный, не сводимый к общему, характер. На наш взгляд, рисунок может рассматриваться как символический образ, выражающий уникальный опыт и отношение субъекта, в значительной степени основанных на осознанном выражении тех или иных смыслов.

Методологическую основу исследования составили теоретические положения о методах и критериях интерпретации результатов рисуночных методик (А.Л. Венгер, Г.Ф. Музыченко); понимание символа как выражения субъективной реальности (А.Н. Леонтьев, И.И. Мячикова, А.М. Поляков, С.С. Аверинцев, З. Фрейд, К. Г. Юнг, М. О'Коннелл); теоретические положения и результаты эмпирических исследований студентов и юношеского возраста (П.К. Гальперин, С.Н. Карпова, Б.Д. Базарова, М.А. Ситникова, Н.Н. Гордиенко).

В исследовании мы опирались на отечественный подход в понимании символа. В этом смысле изображенные на рисунке объекты будут иметь значение, по А.Н. Леонтьеву, «для себя».

В работе были использованы следующие методики: методика диагностики показателей и форм агрессии А.Басса и А. Дарки (адаптация А. К. Осницкого), (МБД); методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина (МДС); рисуночная методика «Несуществующее животное», М.З. Дукаревич (РНЖ); анкета для выявления личностных позиций респондентов в отношении некоторых параметров рисунков[2; 4].

Для обработки результатов был использован статистический анализ данных, применялись следующие критерии: частотный анализ, метод ранговой корреляции Спирмена.

Данное исследование проводилось в 2015 году среди студентов третьих курсов Белорусского государственного университета: факультет прикладной математики и информатики (ФПМИ), филологический факультет (ФФ), исторический факультет (ИФ). Выборка составила 90 человек. По половому составу выборка гетерогенная. Средний возраст респондентов всех трех факультетов составил 20 лет.

Проявление агрессии в рисуночном тесте

По результатам оценки выраженности признака вербальной агрессии у студентов всех трех факультетов данный параметр в МБД выявлен в большей мере, нежели в РНЖ.

Что же касается взаимосвязи между результатами МБД и РНЖ, то у студентов ФФ выявлена очень слабая положительная корреляция по данному параметру ($r = 0,177$, $p = 0,350$). У студентов ИФ выявлена отрицательная корреляция ($r = -0,537^{**}$, $p = 0,002$). У студентов ФПМИ обнаружена очень слабая положительная корреляция ($r = 0,154$, $p = 0,416$). Таким с большой долей вероятности параметр «Зубы» не указывает на наличие вербальной агрессии в рисунке.

По результатам оценки выраженности признака физической агрессии у студентов всех трех факультетов данный параметр в РНЖ выявлен в большей мере, нежели в МБД.

Таким образом, можем предположить, что некоторые символические параметры, трактуемые в РНЖ как признак физической агрессии, не всегда могут свидетельствовать о ее наличии, что частично подтверждают результаты корреляции.

Что же касается взаимосвязи между результатами МБД и РНЖ, то по параметру физической агрессии у студентов ИФ было выявлено отсутствие взаимосвязи. Уровень статистической значимости при этом равен 1,000.

В результатах студентов ФПМИ по данному параметру также не выявлено взаимосвязи ($r = 0,053$, $p = 0,780$). В обоих случаях мы можем говорить о том, что предложенная трактовка некоторых символических аспектов рисунка может быть подвержена сомнению.

Однако можно предположить, что есть элементы, которые могут говорить в некоторых случаях о существовании физической агрессии, что подтверждают результаты группы студентов филологического факультета. Здесь обнаружена слабая положительная корреляция между результатами МБД и РНЖ ($r = 0,443^{*}$, $p = 0,014$).

Проявление тревоги в рисунке

Здесь нами сравнивались результаты, полученные в РНЖ с данными по уровням реактивной тревоги (УРТ) и личностной тревоги (УЛТ), полученных в МДС.

Взаимосвязь уровней тревоги в РНЖ и УРТ. У студентов ИФ взаимосвязь практически отсутствует и носит обратно пропорциональную зависимость ($r = -0,346$, $p = 0,061$). Данного рода взаимосвязь носит случайный характер. У студентов ФФ выявлена отрицательная корреляция ($r = -$

0,039, $p = 0,838$). У студентов ФПМИ обнаружена очень слабая взаимосвязь ($r = -0,226$, $p = 0,229$). Данная взаимосвязь также носит случайных характер.

Взаимосвязь уровней тревоги в РНЖ и УЛТ. У студентов ИФ практически отсутствует ($r = 0,045$, $p = 0,812$). Данная взаимосвязь также носит случайных характер. У студентов ФФ взаимосвязь практически отсутствует ($r = 0,017$, $p = 0,928$) и носит случайный характер. У студентов ФПМИ взаимосвязь не выявлена ($r = 0,087$, $p = 0,646$).

Соотношение интерпретаций по параметрам рисунков

Большинство респондентов интерпретировали определенные параметры своих рисунков исходя из своих личностных смыслов и индивидуального опыта, которые отличаются от интерпретации, даваемой в методике «Рисунок несуществующего животного». Однако были респонденты, интерпретация которых совпадала с уже устоявшейся.

Обнаруженные общие категории, в которые включены сходные интерпретации, говорят о том, что некоторые параметры могут трактоваться сходным образом. И в этом случае разница в профессиональной ориентации не имеет значения. Однако нами также были выделены категории, которые преобладают у студентов того или иного факультета. Так, студенты ФПМИ трактуют многие параметры рисунка животного как нечто естественное и само собой разумеющееся. Студенты ФФ и ИФ склонны интерпретировать выделенные нами параметры рисунка как личностные особенности животного.

Следовательно, для более надежных и достоверных результатов, полученных при помощи рисунка, необходимо не столько опираться на уже имеющиеся критерии, сколько изучать субъективные, личностные смыслы, которые индивид вкладывает в свой рисунок. Работая с методикой «Рисунок несуществующего животного» в частности, и рисуночными методиками в принципе, мы сможем сделать еще один новый и важный шаг в работе с данным рода методиками, а посредством этого сделать психологическую помощь индивидам с эмоциональными нарушениями более продуктивной и своевременной.

Библиографические ссылки

1. Венгер, Л.А. Психологическое консультирование и диагностика. Часть первая / Л.А. Венгер. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 394 с.
2. Музыченко, Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное» / Г. Ф. Музыченко. – СПб : Речь, 2013. – 555 с.
3. Проективная психология. – М: Апрель пресс : ЭКСМО-пресс, 2000. – 519 с.
4. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Д. Я. Райгородский. – Самара : Издательский дом «Бахрах-м», 2001. – 664 с.

Личностные особенности студентов с различными уровнями и видами перфекционизма

Е. А. СОКОЛОВИЧ

Белорусский государственный университет

Феномен перфекционизма весьма распространен в современном обществе, которое задает в качестве эталонов нереалистично высокие стандарты. В настоящее время начинают приобретать популярность видимые атрибуты успешности, которые преподносятся обществу через СМИ. Сравнивая себя с нереалистичными идеалами, человек начинает жить в режиме сравнения, не получая удовольствие от деятельности, а лишь стремясь к результату, который вызовет одобрение и восхищение у окружающих.

Перфекционизм – это предъявление себе, окружающим и миру в целом нереалистично высоких стандартов, сочетаемое с чрезмерно выраженной установкой делать все более качественно, чем требует ситуация [6; 7]. Существуют и иные мнения, обобщив которые можно сделать вывод о том, что перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, выражающееся в невозможности реалистично оценивать возможности самого себя и окружающих [8].

Перфекционизм включает в себя не только личностный стиль, который выражается в желании индивида достичь совершенства, но и социально-ориентированный стиль, при котором немаловажное значение играет оценка окружающих [4].

К нарушениям, коррелирующим с перфекционизмом, можно отнести депрессивные и тревожные расстройства, суицидальные мысли и попытки, анорексию, социальные фобии, страх провала и неудач, избегающее поведение, отсутствие чувства принадлежности, нарушение в межличностном взаимодействии [1; 2; 12].

Методологическую основу исследования составил когнитивный подход П. Хьюитта и Г. Флита, в рамках которого перфекционизм рассматривается как трехмерный конструкт, включающий в себя субъектно-ориентированный, объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм [9; 10; 11]. В качестве основных методик использовались Многомерная шкала перфекционизма (MPS), разработанная П. Хьюиттом и Г. Флитом и адаптированная на русскоязычной выборке И.И. Грачевой [3]; психодиагностический тест (ПДТ), разработанный Л.Т. Ямпольским и В.В. Мельниковым, направленный на

выявление личностных особенностей [5]. Применялись методы статистической обработки данных.

В исследовании приняли участие 319 студента 1-5 курсов в возрасте от 17 до 26 лет, из которых 219 девушек (68,65%) и 100 юношей (31,35%).

Различия личностных характеристик студентов с низким и высоким уровнем перфекционизма. У студентов с низким и высоким показателем общего перфекционизма были выявлены различия по таким показателям, как невротизм ($p < 0,001$), психотизм ($p = 0,002$), депрессия ($p = 0,012$), совестливость ($p < 0,001$), эстетическая впечатлительность ($p = 0,064$), психическая неуравновешенность ($p < 0,001$). Показатели по данным характеристикам выше у студентов с высоким уровнем перфекционизма.

Статистически значимые различия были выявлены по таким личностным характеристикам, как невротизм ($p < 0,001$), психотизм ($p = 0,001$), депрессия ($p = 0,001$), совестливость ($p < 0,001$), робость ($p = 0,003$) и психической неуравновешенности ($p = 0,005$) у юношей с низким и высоким уровнем перфекционизма.

У девушек с высоким уровнем перфекционизма выше показатели по таким характеристикам, как невротизм ($p < 0,001$), совестливость ($p = 0,001$) и психическая неуравновешенность ($p = 0,009$), чем у девушек с низким уровнем перфекционизма.

Половые отличия личностных характеристик студентов с различными уровнями перфекционизма. У девушек с низким уровнем общего перфекционизма выше показатели по таким личностным особенностям, как невротизм ($p = 0,027$), депрессия ($p = 0,005$), робость ($p = 0,036$), женственность ($p = 0,035$), чем у юношей с низким уровнем перфекционизма, а у юношей с низким уровнем перфекционизма выше показатели по расторможенности ($p = 0,007$).

У девушек с высоким уровнем общего перфекционизма выше показатели по такому показателю, как женственность ($p = 0,006$), чем у юношей с высоким уровнем общего перфекционизма, а у юношей выше показатели по общей активности ($p = 0,027$) и расторможенности ($p = 0,033$).

Различия личностных характеристик студентов с различными видами перфекционизма. Выявлены статистически значимые различия по показателю совестливости ($p = 0,018$) у индивидов с субъектно-ориентированным и объектно-ориентированным перфекционизмом. Данные показатели у индивидов с перфекционизмом, ориентированным на самого себя, выше, чем у индивидов с перфекционизмом, ориентированным на других. У студентов с объектно-ориентированным и социаль-

но предписываемым перфекционизмом были выявлены различия по показателю «Робость» ($p=0,029$), который в большей степени проявляется у индивидов с социально предписываемым перфекционизмом. Выявлены различия между субъектно-ориентированным и социально предписываемым перфекционизмом по такой личностной характеристике, как совестливость ($p=0,022$). Показатели по данному критерию выше у индивидов с субъектно-ориентированным перфекционизмом, чем у индивидов с социально предписываемым перфекционизмом. Статистически значимые различия проявились у трех видов перфекционизма по такой личностной характеристике, как совестливость ($p=0,037$) и эстетическая впечатлительность ($p=0,031$). Данный параметр в большей степени характерен для индивидов с субъектно-ориентированным перфекционизмом.

Взаимосвязь личностных характеристик и перфекционизма. Общий уровень перфекционизма взаимосвязан с такими личностными показателями, как невротизм ($r=0,251$, $p=0,005$), депрессия ($r=0,180$, $p=0,027$), совестливость ($r=0,507$, $p<0,001$), эстетическая впечатлительность ($r=0,115$, $p=0,040$), психическая неуравновешенность ($r=0,241$, $p=0,001$), асоциальность ($r=-0,041$, $p=0,048$). Особенности личности индивида с субъектно-ориентированным перфекционизмом являются такие характеристики, как невротизм ($r=0,192$, $p<0,001$), совестливость ($r=0,429$, $p<0,001$) и эстетическая впечатлительность ($r=0,152$, $p=0,007$), асоциальность ($r=-0,267$, $p<0,001$). У индивидов с объектно-ориентированным перфекционизмом преобладают следующие личностные характеристики: невротизм ($r=0,196$, $p<0,001$), психотизм ($r=0,130$, $p=0,020$), совестливость ($r=0,126$, $p=0,024$), расторможенность ($r=0,113$, $p=0,044$), психическая неуравновешенность ($r=0,199$, $p=0,005$). Корреляционный анализ показал, что социально предписываемый перфекционизм связан с такими личностными показателями, как невротизм ($r=0,272$, $p<0,001$), психотизм ($r=0,274$, $p<0,001$), депрессия ($r=0,231$, $p<0,001$), совестливость ($r=0,139$, $p=0,013$), робость ($r=0,218$, $p<0,001$), общительность ($r=-0,114$, $p=0,042$). Если брать вторичные показатели, то социально предписываемый перфекционизм коррелирует с психической неуравновешенностью ($r=0,389$, $p<0,001$) и интроверсией ($r=0,302$, $p<0,001$).

Существует положительная взаимосвязь общего уровня перфекционизма у юношей с такими личностными показателями, как невротизм ($r=0,322$, $p=0,001$), психотизм ($r=0,326$, $p=0,001$), депрессия ($r=0,234$, $p=0,019$), совестливость ($r=0,463$, $p<0,001$), робость ($r=0,310$, $p=0,002$), психическая неуравновешенность ($r=0,355$, $p=0,008$) и отрицательная корреляция с такой личностной особенностью, как общительность ($r=-0,217$, $p=0,030$). Особенности личности юношей с субъектно-

ориентированным перфекционизмом являются такие характеристики, как невротизм($r=0,202$, $p=0,044$), психотизм($r=0,229$, $p=0,022$), совестливость ($r=0,521$, $p<0,001$), робость ($r=0,229$, $p=0,022$), эстетическая впечатлительность ($r=0,248$, $p=0,005$), асоциальность ($r=-0,270$, $p=0,048$) и сензитивность($r=0,269$, $p=0,049$). У юношей с объектно-ориентированным преобладает такая личностная характеристика, как психическая неуравновешенность ($r=0,277$, $p=0,042$). Социально предписываемый перфекционизм у юношей связан с такими личностными показателями, как невротизм($r=0,251$, $p=0,012$), психотизм($r=0,331$, $p=0,001$), депрессия ($r=0,350$, $p<0,001$), робость ($r=0,325$, $p=0,001$), а также психическая неуравновешенность ($r=0,525$, $p<0,001$) и интроверсия ($r=0,393$, $p=0,003$).

Общий уровень общего перфекционизма у девушек взаимосвязан с такими личностными характеристиками, как невротизм($r=0,306$, $p<0,001$), психотизм($r=0,149$, $p=0,027$), совестливость ($r=0,282$, $p<0,001$), психическая неуравновешенность ($r=0,194$, $p=0,020$). Особенности личности девушек с высоким уровнем субъектно-ориентированного перфекционизма являются такие характеристики, как невротизм($r=0,188$, $p=0,005$), совестливость ($r=0,390$, $p<0,001$), асоциальность ($r=-0,272$, $p=0,001$). У девушек с объектно-ориентированным преобладают такие личностные характеристики, как невротизм($r=0,237$, $p<0,001$), расторможенность ($r=0,188$, $p=0,005$) и общительность ($r=0,157$, $p=0,020$). Социально предписываемый перфекционизм у девушек связан с такими личностными показателями, как невротизм($r=0,312$, $p<0,001$), психотизм($r=0,255$, $p<0,001$), депрессия ($r=0,210$, $p=0,002$), робость ($r=0,184$, $p=0,006$), а также психическая неуравновешенность ($r=0,354$, $p<0,001$) и интроверсия ($r=0,274$, $p=0,001$).

Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что вне зависимости от пола для студентов с высоким уровнем перфекционизма характерны невротизм, совестливость, психическая неуравновешенность. У студентов с субъектно-ориентированным перфекционизмом в большей степени выражены такие особенности, как совестливость и эстетическая впечатлительность. Для студентов с социально предписываемым перфекционизмом характерны стеснительность и скованность при interpersonalном взаимодействии. У индивидов с объектно-ориентированным перфекционизмом нет ярко выраженных особенностей по сравнению с другими видами перфекционизма. У девушек с низким уровнем перфекционизма выше показатели по таким характеристикам, как невротизм, депрессия, робость, женственность, чем у юношей с низким уровнем перфекционизма, а юношей с низким уровнем перфекционизма выше показатели расторможенности. Для девушек с высоким

уровнем перфекционизма в большей степени характерна женственность, чем для юношей. Общий уровень перфекционизма вне зависимости от пола взаимосвязан с такими показателями, как невротизм, психотизм, совестливость, психическая неуравновешенность. У юношей высокий уровень перфекционизма также связан с такими характеристиками, как депрессия, робость, а также существует обратная корреляция с общительностью. Вне зависимости от пола выявлена положительная корреляция субъектно-ориентированного перфекционизма с такими характеристиками, как невротизм, совестливость и эстетическая впечатлительность, а также отрицательная с асоциальностью. У юношей субъектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязан также с такими показателями, как психотизм, робость, сензитивность. Объектно-ориентированный перфекционизм у юношей коррелирует с психической неуравновешенностью, а у девушек с невротизмом, расторможенностью и общительностью. Социально предписываемый перфекционизм вне зависимости от пола взаимосвязан с такими характеристиками, как невротизм, психотизм, депрессия, робость, психическая неуравновешенность, интроверсия.

Библиографические ссылки

1. Воликова, С.В. Родительский перфекционизм – фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным программам / С.В. Воликова, А.Б. Холмогорова, А.М. Галкина // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 23–32.
2. Гаранян, Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) / Н.Г. Гаранян // Терапия психических расстройств. – 2006. – № 1. – С. 23–31.
3. Грачева, И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта / И.И. Грачева // Психологический журнал. – 2006. – № 6. – С. 73–80.
4. Жебрун, Я.О. Особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму / Я.О. Жебрун // Вестник Бурятского ун-та. – 2010. – № 5. – С. 36–38.
5. Фурманов, И.А. Психодиагностика и психокоррекция личности / И.А. Фурманов, Л.А. Пергаменщик. – Мн.: Нар. асвета, 1998. – 64 с.
6. Ясная, В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы / В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–168.
7. Bhatia, M.S. Perfectionism / M.S. Bhatia // Dictionary of Psychology and Allied Sciences. – New Age International Publishers. – P. 305.
8. Burns, D. The perfectionist's script for self-defeat / D. Burns // Psychology Today. – 1980. – № 14(11). – P 34-51.

9. Flett, G.L. Components of perfectionism and procrastination in college students / G.L. Flett, K.R. Blankstein, P.L. Hewitt, S. Koledin // *Social behavior and personality*. – 1992. – № 20 (2). – P. 85–94.
10. Flett, G.L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G.L. Flett, A. Besser, R.A. Davis, P.L. Hewitt // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
11. Flett, G.L. Perfectionism, Distress, and Irrational Beliefs in High School Students: Analyses with an Abbreviated Survey of Personal Beliefs for Adolescents / G.L. Flett, P.L. Hewitt, W.M. Winnie Cheng // *J Rat-Emo Cognitive-BehavTher*. – 2008. – № 26. – P. 194–205.
12. Sherry, S.B. Social support as a mediator of the relationship between perfectionism and depression: A preliminary test of the social disconnection model / S.B. Sherry, A. Law, P.L. Hewitt, G.L. Flett, A. Besser // *Personality and Individual Differences*. – 2008. – № 45. – P. 339–344.

Любовные установки в романтических отношениях студентов с различными стилями привязанности

Д. В. СТРАПКО

Белорусский государственный университет

В настоящее время одной из важнейших проблем общества является неустойчивое положение браков. Количество разводов в Республике Беларусь в год составляет половину от заключенных в этот же год браков. Зачастую развод содержит в себе неоправданные ожидания защиты, близости, заботы от партнера, а затем полное разочарование. Данные ожидания формируются у человека с раннего детства, когда у ребенка устанавливается связь с родителями, которая впоследствии служит основой детско-родительской привязанности. Привязанность возникает из-за нарастающей потребности ребенка в принадлежности, в образовании близких и устойчивых отношений с людьми [1].

Сформированный детско-родительский стиль привязанности напрямую влияет, во-первых, на формирование взрослой привязанности, а во-вторых, на способы образования и поддержания романтических отношений, которые проявляются в первую очередь в реализуемых любовных установках по отношению к партнеру [5]. Любовные установки представляют собой образы действий, по которым человек осуществляет то или иное действие романтического характера по отношению к партнеру.

Тема взрослой привязанности, а также ее взаимосвязь с любовными установками, лишь некоторое время назад начала подвергаться изучению

со стороны зарубежных ученых. В отечественной психологии данное направление только начинает развиваться.

В данном исследовании была предпринята попытка выяснить, есть ли связь между сформированным стилем привязанности человека и используемыми в романтических отношениях любовными установками. Методологическим основанием выступали: идея Дж. Боулби о существовании различных стилей детско-родительской привязанности; подход С. Хейзен и Ф. Шейвер, заключающийся в существовании влияния детского стиля привязанности на формирование взрослого стиля привязанности; наиболее теоретически обоснованный подход к определению взрослой привязанности К. Бартоломью и Л. Горовиц, который предполагает существование четырех стилей привязанности взрослого: надёжный, боязливый (робкий), тревожный (озабоченный), избегающе-отвергающий; теория Дж. Ли, подразумевающая под собой существование шести стилей любви – Эрос (страстная любовь), Людус (игривая любовь), Сторге (любовь-дружба), Прагма (прагматическая любовь), Агапе (альтруистическая любовь), Мания (одержимая любовь).

Основным методом сбора информации в данном исследовании являлся опрос. Для достижения цели были использованы следующие методики: методика «Шкала любовных отношений» К. Хендрик и С. Хендрик [6]; методика «Самооценка генерализованного типа привязанности» («RQ») К. Бартоломью и Л. Горовиц [4].

Выборку составили учащиеся высших учебных заведений г. Минска в возрасте от 19 до 25 лет. Всего приняли участие 206 респондентов – 115 женщин и 91 мужчина.

По результатам анализа доминирующими любовными установками как у мужчин, так и у женщин, являются Эрос и Мания. Это две крайности – страстная и маниакальная любовь. Молодые люди часто поддаются эмоциональному порыву и готовы полностью отдаваться партнеру. Такое поведение может быть обусловлено влиянием возрастных особенностей и недостаточного опыта в сфере романтических отношений.

При исследовании половых различий в любовных установках, выявились значимые различия в любовной установке Людус ($p < 0,05$). Так как у представителей мужского пола данный показатель выше, можно сделать вывод о том, что в романтических отношениях мужчины используют тактику игры, неглубокой влюблённости, чаще, чем женщины. Такие результаты подтверждают исследования зарубежных ученых о том, что в данном возрасте (19-25) у мужчин преобладает игривая любовь [6]. Такие отношения нацелены скорее на получение удовольствия, нежели на создание крепких связей. Такие отличия можно объяснить тем, что

именно в данном возрасте у мужчин и у женщин проявляются различия в ценностях: мужчины менее склонны проявлять желание создать семью в данном возрасте.

По результатам анализа различий между полами в проявлении и в преобладании определенных стилей привязанности выявлены достоверные результаты в различиях между юношами и девушками в боязливом стиле привязанности – девушки более склонны к такому стилю, нежели парни. Боязливый стиль характеризуется стремлением быть за спиной партнёра, стать с ним одним целым, при этом скрывая себя. При таком стиле привязанности человек ищет защиту в партнёре и стремится к тому, чтобы этот человек был рядом, когда потребуется. Такие результаты можно объяснить современными гендерными стереотипами о силе/слабости полов [3]. Женщин считают слабым полом, что может негативно сказываться на их восприятии себя в отношениях с людьми, в том числе и в романтических. Возможно поэтому они стремятся спрятаться за спину «сильного защитника» - мужчины.

В преобладающих стилях привязанности не выявлено половых различий – как у юношей, так и у девушек преобладающим и единственно статистически достоверно отличным от других стилей является надежный стиль. Доминирование надежного стиля привязанности возможно связано с современным представлением о романтических отношениях: они должны быть близкими, доверительными и надежными для того, чтобы занимать устойчивое положение в обществе. Однако высокий показатель надежного стиля у людей не является открытием. В настоящее время люди склонны искать поддержку и заботу в отношениях для поддержания самооценки, положения в обществе, что может влиять на стиль привязанности [2].

Результаты анализа различий любовных установок в рамках определенных стилей привязанности демонстрируют следующее:

Надежный стиль демонстрирует присущие женскому и мужскому полу одинаковые преобладающие любовные установки: Эрос и Мания – страстная и маниакальная любовь. У женщин выявлена еще одна преобладающая установка – Сторге (любовь-дружба).

Боязливый стиль: как и у мужчин, так и у женщин выявлены две преобладающие любовные установки: Эрос и Мания. В боязливом стиле привязанности человек стремится в отношениях занять скорее подчиненную сторону, что весьма характерно для любовной установки Мания (полная отдача партнеру).

В пределах тревожного стиля не выявились ни преобладающие, ни подчиненные любовные установки у юношей. У девушек выявились

подчиненные – Людус и Прагма. Девушки с тревожным стилем привязанности наименее склонны к игривой и сдержанной любви.

В рамках избегающего стиля выявлены следующие закономерности: у юношей преобладающими установками в любви являются Эрос и Мания; у девушек подчиненными Людус и Прагма.

Результаты проведенного корреляционного анализа выявили одинаковую положительную связь у юношей и девушек тревожного стиля привязанности и любовной установки Агапе. Также у девушек характеристики тревожного стиля (стремление к людям с сопутствующей боязнью их) находятся во взаимозависимости с характеристиками любовной установки Мания (одержимость, непостоянство, маниакальность). У юношей существует также отрицательная корреляция характеристик надежного стиля с любовными установками Сторге и Агапе.

Таким образом, полученные результаты определенно позволяют сделать вывод о существовании различий в реализуемых любовных установках среди разных стилей привязанности. Результаты данного исследования открывают базу для более глубокого изучения феномена взрослой привязанности и его влияния на действия человека в романтических отношениях.

Изучение такого явления, как взаимосвязь между любовными установками и привязанностью взрослого, может помочь в осуществлении более качественного семейного консультирования, консультирования романтических пар, предсказании поведения людей в тех или иных отношениях любовного характера.

Библиографические ссылки

1. Боулби, Д. Привязанность / Д. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 447 с.
2. Калмыкова, Е. С. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения / Е. С. Калмыкова, М. А. Гагарина, М. А. Падун // Психологический журнал. – 2007. – №1. – С. 107–114.
3. Лупандин, В. И. Представления о любви у мужчин и женщин разного возраста. Существует ли конфликт поколений? / В. И. Лупандин, Е. Н. Стрижова // Журнал Известия уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры – 2011. – Екатеринбург – С. 207-214.
4. Bartholomew, K. Attachment styles among young adults: A test of a four category model / K. Bartholomew, L. M. Horowitz // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 61. – №2. – P. 226–244.
5. Hasan C. L. Romantic Love and Attachment Styles / C. L. Hasan, P. Shaver // J. of Personality and Social Psychology. – 1987. – № 3. – P. 511–524.
6. Hendrick, C. A theory and method of love / C. Hendrick, S. Hendrick // Journal of Personality and Social Psychology. – 1986. – № 50. – P. 392–402.

Представления о конфликте между личностью и группой у подростков в группах с различными нормами

К. И. ТАТАРКО

Белорусский государственный университет

Подростковый возраст уже не одно десятилетие является предметом исследовательского интереса и размышлений. Данное утверждение не является попыткой придать иллюзорную значимость данной теме. Напротив, оно имеет логическое объяснение, связанное со следующими особенностями подросткового возраста:

- данный возрастной период считается противоречивым, критическим и кризисным, при этом вышеописанные характеристики подросткового возраста, как было установлено, не являются обязательными;
- для подросткового возраста характерно эмоционально напряженные отношения, которые возникают в общении со сверстниками и испытываются самими подростками;
- общение со сверстниками становится для подростка значимым, и в отличие от младшего школьного возраста, у подростков наблюдается доминирование неформальных взаимоотношений;
- возникновение внутренних и внешних конфликтов, связано с новообразованиями данного возраста: самосознанием, понятийным мышлением, «чувством взрослости»;
- конфликты характеризуются заметным характером, отличаются эмоциональностью протекания, неумением находить конструктивные способы разрешения затруднительных ситуаций в общении со сверстниками, наблюдается подъем школьной травли, конфликт между личностью и группой не является явлением характерным лишь для единичных подростковых групп;
- взаимоотношения подростков со сверстниками характеризуются противоречивостью. С одной стороны, подростки хотят быть независимыми и индивидуальными, с другой стороны, не хотят отдаляться от коллектива, быть «чужими» для них, т.к. группа сверстников становится для подростков одним из источников социализации [1, 2, 3, 5].

Таким образом, особенности данного возрастного периода обуславливают актуальность детального рассмотрения и изучения. В нашем эмпирическом исследовании акцент делается на конфликте между личностью и группой, а точнее на представлении о нем в подростковом воз-

расте. Именно представления о конфликте и способах его разрешения оказывают определяющее влияние на поведение подростка, т.к как он реагирует не на реальность, а на то, как он себе ее представляет[5]. В свою очередь, представления формируются посредством СМИ, взглядов и мнений взрослых, различных групп[4]. Не последнюю роль играют нормы принятые в группе подростков, т.к они способствуют формированию навыка совместной деятельности, формируют образ относительно различных событий или явлений окружающего нас социального мира, в том числе конфликта между личностью и группой. Исходя из этого, целью проведенного исследования являлось выявление представлений о конфликте между личностью и группой у подростков в группах с различными нормами.

В исследовании приняло участие 85 подростков, в возрасте от 12 до 14 лет. Из них 49 человек мужского пола, и 34 – женского. Для сбора данных использовались:

- анкета, направленная на изучение представлений подростков о конфликте между личностью и группой. Включает в себя следующие блоки: 1) представления о структурных компонентах конфликта между личностью и группой (представление о причинах конфликта, представление о стратегиях поведения в конфликтной ситуации, представление об урегулировании и завершении конфликта); 2) представления о состояниях и переживаниях человека в конфликте с группой и оценке конфликта; 3) представления об индивидуальных особенностях поведения людей в конфликте между личностью и группой;

- анкета, направленная на диагностику групповых норм, которая включает в себя два блока вопросов. Первый блок представлен незаконченными предложениями для изучения тех норм, которые для подростков являются значимыми (методика «Групповые нормы» К. Фопеля). На основе полученных результатов, в последующем, были выделены следующие категории для дифференциации норм в группах подростков: помогать друг другу и дружить, необходимо уметь за себя постоять (иметь «сильный характер»), необходимо чем-то отличаться, должна быть присуща индивидуальность. Была выделена также категория «незнающих» подростков (т.е тех, кто не может назвать нормы, которые приняты у них в группе). Второй блок вопросов направлен на изучение преобладания таких норм в группе как нормы сотрудничества, конкуренции и уклонения. Использовались операциональные определения каждого из соответствующих типов взаимодействия. Каждый респондент являлся членом малой группы (школьный класс) и в соответствии с инструкцией характеризовал нормы именно этой группы. Проводилось сравнение представ-

лений о конфликтах между личностью и группой подростков, которые по-разному оценивают нормы группы, членом которых они являются.

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением контент-анализа, частотного анализа и теста χ^2 . Переходим к рассмотрению основных результатов проведенного исследования.

Так у подростков со значимыми в группе нормами «дружить и помогать друг другу» конфликт между личностью и группой характеризуется как недопонимание, рассогласование, столкновение во взглядах и мнениях между участниками данного конфликта ($p=0,006$). Данная ситуация, по мнению подростков, не воспринимается группой естественной и является основной причиной последующего исключения (или отвержения) «нарушителя» из группы и проявления по отношению к нему неконструктивных способов поведения. В представлениях подростков со значимыми нормами «умение за себя постоять» конфликт между личностью и группой дает возможность участникам данного конфликта доказать свою правоту ($p=0,046$), высказывать свое мнение по какому-либо вопросу, и данная ситуация участниками конфликта между личностью и группой воспринимается как нормальная и естественная. В представлениях подростков со значимыми в группе нормами «наличие индивидуальности» конфликт между личностью и группой дает возможность участникам доказывать свою уникальность, непохожесть и зачастую это сопровождается деструктивными способами поведения в данном конфликте. Те, кто не смог указать, какие нормы характерны для их группы, понимают конфликт между личностью и группой как поведенческие реакции, имеющие негативную окраску.

В представлениях подростков с преобладанием в группе норм сотрудничества конфликт между личностью и группой может не предполагать его урегулирования только самими участниками конфликта ($p=0,012$), а характеризуется включением тех лиц, которые являются наиболее компетентными; не предполагает наличие у того, против которого настроено большинство, таких чувств как ненависть и разочарование. Подростки считают, что группа будет конфликтовать с человеком, для которого характерен эгоизм, неадекватное поведение. В представлениях подростков с преобладанием в группе норм конкуренции в конфликте между личностью и группой человек, против которого настроено большинство его группы, будет им противостоять ($p \leq 0,001$), чувствовать ненависть ($p=0,006$) и разочарование. В представлениях подростков с преобладанием в группе норм уклонения конфликт между личностью и группой предполагает наличие чувства разочарования у человека, против которого настроено большинство в его группе ($p=0,004$), а также, по

мнению подростков, урегулированием данного конфликта должны заниматься либо сами участники конфликта, либо посторонний человек, либо никто не должен регулировать данный конфликт.

Вышеперечисленные результаты иллюстрируют роль групповых норм в формировании представлений подростков о конфликте между личностью и группой, поскольку в содержании представлений подростков о конфликте транслируются те нормы, которых они придерживаются в своей группе.

Библиографические ссылки

1. Драгунова, Т.В. Проблема конфликта в подростковом возрасте / Т. В. Драгунова // Вопросы психологии. – 1972. - №2. С. 25 - 39.
2. Новгородцева, А. П. Переживание подростками «чувства взрослости» / А. П. Новгородцева // Психологическая наука и образование. – 2006. – №2. – С. 39 - 55.
3. Петросянц, В. Р. Структурная организованность жизнестойкости старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде / В.Р. Петросянц // Психология бучения. – 2011. – №10. – С. 100 – 109.
4. Романова, Е.С. Развитие социальных представлений как одна из задач гражданского и профессионального становления школьника / Е.С. Романова // Вестник практической психологии образования. – 2010. - №2. – С. 50-55.
5. Семёнов, А.В. Половозрастные различия и динамика представлений подростков о конфликтах : дисс. ...канд. психол. наук. : 19.00.05 / А.В. Семёнов. – Москва, 2002. – 221 л.

Образ я и образ оппонента в межличностном конфликте у производственных работников с различным уровнем конфликтности

А. С. ТЕТЕРУК

Белорусский государственный университет

В структуре конфликта выделяют и описывают “образконфликта” как самостоятельный конструкт. Многие отечественные исследователи считают, что образ конфликтной ситуации – это субъективная картина данной ситуации, которая существует в психике каждого участника[1; 2]. Субъективное представление включает [1; 2]:

- представление оппонентов о самих себе (свои цели, мотивы, ценности, возможности и т.д.);
- сторону-оппонента (его цели, мотивы, ценности, возможности и т.д.);

- каждого участника о том, как другой воспринимает его;
- о среде, в которой состоят конкретные отношения.
- Именно идеальные картины конфликта, а не реальное положение дел определяют поведение сторон.

Образ конфликтной ситуации подвергается различного рода искажениям со стороны оппонентов. По мнению исследователя Б. Мелибруды, «если искажение восприятия при конфликте чрезмерно велико возникает опасность оказаться в ловушке собственной предвзятости, потому что ясно видишь и чувствуешь только враждебность партнера, не замечая никаких других чувств с его стороны. Это может привести к так называемому самоподтверждающемуся допущению: допуская, что партнер настроен исключительно враждебно, начинаешь обороняться от него, переходя в наступление. Видя это, партнер переживает враждебность к нам, и наше предварительное допущение, хотя оно и было неверным, немедленно подтверждается» [3, с. 63].

Сотрудники с высоким уровнем конфликтности личностинередко своими действиями и суждениями привносят хаос и дисбаланс в отношения с коллегами и рабочую среду, снижая эффективность и скорость выполнения рабочих операций.

Цель нашего исследования заключалась в описании образа я и образа оппонента в межличностном конфликте у производственных работников с различным уровнем конфликтности. В нашем исследовании приняли участие 90 работников швейной фабрики из них 79 женщин (87.69 %) и 11 мужчин (12.21 %) в возрасте от 20 до 63 лет. Для сбора данных, использовали методика Н.И. Леонова «Образ конфликтной ситуации», анкета А.И. Ташевой «Ретроспективная рефлексия конфликтов», методика Е.П. Ильина и П.А. Ковалева «Личностная агрессивность и конфликтность».

Анализируя частотное распределение, отметим, что все сотрудники вне зависимости от уровня их конфликтности демонстрируют положительные аутоатрибуции и негативные внешние личностные атрибуции, отмечая, что чаще причиной конфликта является коллега или иной человек, но не их собственная личность. Однако отметим, что некоторые из субъектов с низким (34.4%) и средним (30.5%) уровнем конфликтности признают, что они или их личностные особенности являются причиной конфликтов. Подобная тенденция у работников с высоким уровнем конфликтности редкоотмечается (8.0%). Частотный анализ показывает, что некоторые работники с высоким, средним и низким уровнями конфликтности личности (12.5%, 9.1%, 16.0%) указывают, что они с самого начала

пытаются предотвратить конфликт. В отношении коллег подобного поведения не отмечается (0%).

При описании поведения, как своего, так и коллеги, в случае назревания конфликта отметим, что большая часть работников, вне зависимости от уровня конфликтности личности, указывают, что они пытаются разрядить обстановку, занимают нейтральную позицию, игнорируют коллегу, занимают пассивную или защитную позицию, в отличие от коллег, которые занимают выжидательную и агрессивную позицию.

Работники также демонстрируют общую тенденцию при описании барьера, мешающего предотвратить конфликт. Так личности с высоким, средним и низким уровнями конфликтности чаще склонны указывать, что коллега – главный барьер, препятствующий недопущению конфликта (46.9%, 45.5%, 52.0%). При этом всего лишь несколько работников ссылаются, что внешние обстоятельства препятствуют нормальному диалогу (6.3%, 6.1%, 12.0%).

Для установления различий в «образах я» и «образах коллеги» в межличностном конфликте у субъектов с различным уровнем конфликтности были использованы критерии Н-Краскала-Уоллеса и U-Манна-Уитни. Были выявлены статистически значимые различия в оценках себя в конфликте сотрудниками с разным уровнем конфликтности по признаку «личностная навязчивость – ненавязчивость» ($p=0.011$).

Применение U-критерия показало наличие следующих статистически значимых различий в оценках «образа я»:

- по признаку «готовность к сотрудничеству» ($p=0.046$) в оценках сотрудников с низким и средним уровнем конфликтности;

- по признакам «готовность к сотрудничеству» ($p=0.040$) и «личностная простота – сложность» ($p=0.050$) в оценках сотрудников с низким и высоким уровнем конфликтности;

- по признаку «личностная навязчивость – ненавязчивость» ($p=0.002$) в оценках сотрудников со средним и высоким уровнем конфликтности.

Статистически значимых различий в репрезентации образа коллеги сотрудниками с различным уровнем конфликтности выявлено не было.

Анализ статистических результатов показывает, что работники с низким уровнем конфликтности в большей степени способны идти на контакт с оппонентами, предпринимать стратегии решения конфликта, удовлетворяющие две стороны. У работников со средним уровнем конфликтности в большей мере проявляется индивидуализм и центрация на своей позиции.

Субъекты с высоким уровнем конфликтности не желают демонстрировать в конфликте простоту и обиду, но и не признают, что они в кон-

фликте сложны и испытывают удовольствие в конфликте. Принятие позиции нейтральности интерпретируется нами как один из видов самозащит, проявляющихся в диаде «я и коллега-оппонент», а характерная для них подозрительность, неуступчивость, гневливость представлена в латентной форме.

Существенных различий при описании образа коллеги у работников с различным уровнем конфликтности не выявлено.

Библиографические ссылки

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб. : Питер Пресс, 2013. – 503 с.
2. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб. : Питер, 2009. – 538 с.
3. Мелибруда, Е. Поведение в ситуации конфликта / Е. Мелибруда // Психология конфликта : хрестоматия / А.Я. Анцупов, Л.И. Леонов. – СПб., 2004. – С. 62-67.

Образ психолога в современной организации

А. С. ТЕТЕРУК, А. М. БЕБЧИК

Белорусский государственный университет

В психологии накоплен большой опыт внедрения психотехнологий с целью повышения эффективности работы сотрудников и организации в целом [1]. Перед высшими учебными заведениями стоит задача подготовки квалифицированных организационных психологов.

Сегодня современный психолог занят во многих сферах профессиональной деятельности: образование, медицина, реклама, сфера работы с персоналом (HR-менеджмент). Однако нам представляется важным рассмотрение функций психолога в современных организациях различных профилей.

Изучение образа психолога и его месте в современной организации проводилось на базе Белорусского государственного университета и одной из белорусских организаций (швейная фабрика ОАО «Белкредо»). Цель исследования состояла в сравнении образов психолога в организации среди преподавателей психологии, студентов-психологов и работников организации.

В эмпирическом исследовании приняли участие 83 человека, из которых 39 – работники производственной организации, 34 – студенты, обучающиеся на 3-ем курсе по специальности «Психология», 10 – преподаватели психологии. Для сбора данных использовалась разработанная на-

ми анкета, состоящая из открытых вопросов. Для обработки данных был использован контент-анализ и частотный анализ.

По мнению многих работников организации, организационный психолог выполняет, прежде всего, «помогающую» функцию: разрешает конфликты и трудовые споры, оказывает психологическую помощь и поддержку, создает благоприятный социально-психологический климат, консультирует по личным вопросам.

Студенты-психологи также указали на важность «помогающей» функции психолога в организации. Однако многие отметили, что сегодня психолог в современной организации чаще выполняет функции, относящиеся к сфере работы с персоналом, нежели «традиционные», поскольку в XXI веке выросла существенно потребность руководства в поиске и найме высококвалифицированных кадров, а психолог это как раз тот специалист, который компетентен при выполнении данной задачи.

Преподаватели психологии отмечают, что необходимость организационного психолога, в большей степени, зависит от потребности организации в нем. Анализируя образ организационного психолога среди преподавателей психологии, мы посчитали, что в их ответах, как и в ответах студентов, отмечается «двойное» видение выполняемых функций: от выполнения функций работы с персоналом до «традиционных» функций – разрешение конфликтов и споров, консультации сотрудников и руководителей, создание благоприятного социально-психологического климата и т.д.

По результатам сравнительного анализа, можно отметить, что образы организационного психолога среди работников организации, преподавателей психологии и студентов-психологов различны. Сотрудники организации приписывают психологу «традиционные» функции: создание благоприятной рабочей среды, урегулирование конфликтов. Преподаватели психологии и студенты-психологии приписывают психологу функции различных профилей: от создания благоприятного социально-психологического климата в организации до поиска и найма кадров в организацию.

Библиографические ссылки

1. Кочеткова, А.И. Психологические основы современного управления персоналом / А.И. Кочеткова. – М., 1999. – 225 с.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

**Материалы XII ежегодной научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
факультета философии и социальных наук**

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Ю. Г. Фролова*

Подписано в печать 03.11.2015. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л.2,9. Тираж 50 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета
заказчика на копировально-множительной технике
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета.
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск.